

Марина
СЕРОВА

Кризис жанра

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Кризис жанра
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167011*

*Кризис жанра: Эксмо; М.: 2006
ISBN 5-699-18801-0*

Аннотация

Знаменитый бодигард Женя Охотникова без энтузиазма берется за очередной заказ. Охранять надо юного наследника мультимиллионера, который безвременно почил за границей и оставил любимому сыночку Александру сорок миллионов долларов. Разумеется, на лакомый кусочек тут же объявились охотники... с ружьем. Убили мать юноши, отравили сестру. В принципе, заказ как заказ, но, буквально за несколько часов до этого на саму Женю было совершено серьезное покушение. Что это, совпадение, или Охотникову намеренно снимают с дистанции? Дело еще неприятно осложняется личностью наследника. Александр – человек особенный...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	49
Глава 4	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марина Серова

Кризис жанра

Глава 1

Тренажерный зал чем-то напоминает рынок в знойный летний день перед закрытием. Люди в одиночку и группами по два, реже по три человека бродили от тренажера к тренажеру, словно прицениваясь. Сделав примерно с десяток жимов и тягов, они с обалделым видом, обливаясь потом, шли к следующему тренажеру. Единицы отваживались на несколько подходов. Здесь же, в проходе, бродил инструктор, давал занимающимся ценные советы, как правильно дышать или прокачивать ту или иную мышцу, чтобы не повредить сустав. Определив по виду начинающего, предлагал ему нагрузку, которая бы не посадила его сердце. Инструктора звали Пашей. Бывший профессиональный бодибилдер, он несколько лет назад занимал первое место на областных соревнованиях. Это давало ему право чувствовать себя королем среди простых смертных в зале клуба. Он мог подойти и отчитать любого, сказав: «Ну кто так делает?» или: «Откуда у тебя руки растут?» Однако подойти ко мне Паша не решался, так как знал, что до моего уровня ему не дорасти никогда, имея за плечами горы поглощенных анаболиков и стимуля-

торов. Нет, я не отличалась грудями мышц и бицепсов размером с голову нормального человека, коими мог похвастаться Паша. Скорее наоборот, я выглядела обычной симпатичной девушкой двадцати восьми лет, среднего роста, спортивной, но не перекачанной, не мужеподобной, а женственной и обманчиво хрупкой, с большими выразительными голубыми глазами, прямыми каштановыми волосами. Если посмотреть со стороны, то чистый ангел. Именно таких набирали в элитный вуз КГБ «Ворошиловку», где готовили специалистов широкого профиля по тайным операциям, подготовке и осуществлению диверсий, захвату гражданских и промышленных объектов на территории врага. Потом было спецподразделение «Сигма», из которого я вовремя ушла, не замазавшись в тех делах, которые они творили по всему миру. Кроме того, я проходила стажировки во многих силовых структурах, начиная от ФСО и заканчивая ФСБ. Все это вкупе с изнурительными тренировками превратило меня в настоящую машину, не знающую холода, голода и усталости. Факт общеизвестный – если машина перестает работать, то она ржавеет и разваливается, поэтому, оказавшись на гражданке, я не только продолжила тренировки на прежнем уровне, но и нашла себе соответствующую полученным навыкам работу. Я стала частным телохранителем. Поначалу, конечно, хотелось отдохнуть от драк и стрельбы. Переехав из Владивостока в Тарасов к родной тете после смерти матери, я пробовала устроиться переводчиком. Только быст-

ро поняла, что это не для меня. Во-первых, другой темп жизни, да и деньги, получаемые от этой работы, показались мне до неприличия скромными, можно сказать, даже смехотворными. Таким образом, у меня просто не было выбора. Я стала охранять обеспеченных людей Тарасова и его окрестностей, поселилась временно у тети – до того времени, пока не смогу приобрести собственную жилплощадь. Но сдается мне, что это будет еще не скоро, учитывая темпы инфляции и рост цен на квартиры.

Инструктор Паша искоса наблюдал за тем, как я выжимала на грудь вес, превышающий мой собственный в полтора раза. В его взгляде читалось плохо замаскированное восхищение. Наверно, я ему небезразлична, впрочем, как и большинству посетителей клуба.

– Смотри! Во девка дает! – послышался сбоку негромкий возглас.

Закончив упражнение, я взглянула в ту сторону. Двое молодых парней лет по двадцать пять – тридцать сидели на лавке у стены, отдыхая после занятий. Ничего примечательного. В следующем упражнении я поработала над прессом – три подхода по сто раз с отягощением. Мужик лет под сорок, с лысиной во всю голову, остановился неподалеку и задумчиво уставился на мой пресс, будто узрел чудо. Я свирепо глянула на него, и лысый в смущении отвернулся. Когда же я начала работать над внутренней поверхностью бедра, то перед тренажером выстроилось человек пять. Они делали вид, что

обсуждают что-то важное, а сами пилились на меня самым бесстыдным образом. В конце концов даже моя закаленная нервная система не выдержала этого. Оставив тренажер, я переместилась к боксерской груше и выместила на ней всю накопившуюся злость, побивая ее руками и ногами. В рядах посетителей послышались новые возгласы восхищения. Когда я остановилась, один из моих обожателей отделился от основной группы и подошел ко мне, предложив встретиться сегодня за ужином в «Русском стиле». Я внимательно осмотрела его с головы до ног. Рослый, накачанный. Худое лицо со впалыми щеками, густые, сросшиеся на переносице брови, сломанный в двух местах нос, шрамы, близко посаженные колючие серые глаза.

– Ну что я должен сделать, чтобы ты согласилась на свидание? – взмолился он, прочитав, видно, отрицательный ответ в моих глазах.

– Ты занимаешься карате? – спросила я, глядя на его белые штаны. Верхняя часть облачения и черный пояс лежали рядом на лавке.

– Да, уже шесть лет, – с гордостью, подбоченясь, сказал поклонник, – имею второй дан. Кстати, меня Мишей зовут.

– Вот что, Миша, – произнесла я с расстановкой, – предлагаю сразиться, и если ты победишь, то мы поужинаем в ресторане.

– Я не могу бить девушку, – скривился Миша.

– А кто тебе сказал, что ты сможешь меня побить? – по-

интересовалась я сухо.

Приятели лишь стали его подбадривать.

– Давай не посрами! Я ставлю на девчонку! Если она тебя побьет, донесем до дома.

В общем, получился настоящий цирк. В пылу уговоров Миши в тренажерный зал заглянул неприятного вида небритый субъект, с плоской, как у хорька, головой. Взгляд его черных блестящих глаз прошелся по залу, где остались заниматься только женщины, потом перешел на меня и на мгновение зафиксировался. Мы были незнакомы, это определено. Однако субъект посмотрел на меня так, будто узнал. Решительно открыв дверь, он вошел внутрь, а вслед за ним появился настоящий великан, больше двух метров роста, сплошные груды мышц и напряженное, словно сведенное судорогой лицо. Странная парочка приблизилась к нашей группе. Тот, что поменьше, небритый, сразу же присоединился к подбадривающим Мишу парням, а второй встал рядом и зевнул, озираясь, равнодушный ко всему.

«Они явно пришли по мою душу. Но кто они такие и кто их послал?» – спрашивала я себя уже в который раз, наблюдая за великаном. Интуиция подсказывала, что пришли они не с добром.

– Хорошо, пойдемте в зал! – рявкнул на товарищей Миша и, обращаясь ко мне, сказал: – Не бойся, я буду драться вполсилы. – Все двинулись к выходу из тренажерного зала.

– Я и не боюсь, – буркнула я, следуя за толпой.

В соседнем зале проводились тренировки по восточным единоборствам. Я выбрала свободный татами и поманила к себе Мишу.

– Давай посмотрим, на что ты способен.

С видом победителя он неторопливо двинулся ко мне и атаковал прямым ударом ноги в корпус. Сместившись, я перехватила его ногу, провела подсечку и, уложив его спиной на пол, придавила горло стопой.

– Подожди, – захрипел Миша с отразившимся в лице изумлением, – я не подготовился. – Зрители были также изумлены быстротой проведения приема и, наверное, не верили своим глазам. Со смехом я отпустила Михаила и отступила, ожидая, когда он поднимется, чтобы, как он говорил, подготовиться.

– Подготовился? – спросила я, как только он принял боевую стойку.

– Да, – выдохнул Михаил. В глазах его таилось беспокойство. Результат получился тот же. Михаил валялся у моих ног, и среди его приятелей кое-кто начал посмеиваться.

– Миша, ну ты че, на ногах не стоишь?

Разозленный Михаил вновь бросился на меня и в следующую секунду покатился кубарем по полу, вскочил, атаковал еще и еще раз.

«Так, легкая разминка, – подумала я, сваливая противника на пол, отразив удар „маваши-гери“. – Эх, где бы найти хорошего спарринг-партнера?»

После восьмой атаки Михаил поднялся с татами уже с трудом, пошатываясь, так как я провела «нагаши-цуки», прямой в голову, легко блокировав его «гаяку-цуки», удар в область груди. Невзирая на дозированную силу удара, противник получил легкое сотрясение мозга, из его рассеченной губы текла кровь, и продолжать это избиение у меня пропало всякое желание.

– Что, хватит? – поинтересовалась я.

– Нет, не хватит, – выдавил он из себя улыбку.

– Ладно, отойди, – проворчал самый яростный болельщик Михаила, отстранил его в сторону и сам вышел на татами.

Этот боец проявил себя лучше, чем предыдущий. Скорость, хороший ритм, однако неважная концентрация силы при ударе и не всегда верное положение центра тяжести привели и его к поражению. Он с ходу провел серию приемов из техники ног, хотел достать меня тычком в солнечное сплетение, но был повержен прямым в голову и мешком осел на татами.

– Вот фраер – ни украсть, ни покараулить, – громко прокомментировал небритый с отвращением. Его товарищ, не меняя выражения лица, размял шею. Остальная же часть аудитории хранила молчание, осмысливая увиденное.

– Предлагаю двоим выйти против меня одной, – весело сказала я присмиревшей толпе и с издевкой добавила: – Если, конечно, вы не трусы.

Хотелось добавить сложности в эти по-детски легкие бои.

Однако, на мою беду, серьезных противников не находилось. На татами выскочили двое каких-то раздолбаев лет по девятнадцать, вообразивших себя живыми воплощениями, один – Брюса Ли, второй – Накаямы. Без особого желания я уложила их на пол.

– Следующие, можно вдвоем, – прозвучал мой голос над телами поверженных врагов в звенящей тишине зала. Ответа не было. – Что, неужели нет больше смельчаков? – переспросила я с возмущением, не веря происходящему.

– Я попробую, – коварно улыбаясь, небритый протиснулся из толпы, – только, чур, не калечить.

– О чем речь, – пожала я плечами. – А сломанный нос или оторванное ухо будут считаться за увечья или нет?

– Если я тебе сломаю, то нет, – ухмыльнулся небритый и стремительно бросился на меня. В последнюю секунду я ушла из-под удара, иначе бы действительно получила блин вместо носа. Не останавливаясь, небритый в бешеном темпе продолжал осыпать меня ударами, превратившись в некое подобие вихря.

«Вот не противник, а просто загляденье, – удовлетворенно подумала я, блокируя удары, – техника на уровне четвертого дана, видно, что человек старается уложить меня в больницу. Интересно, кто же все-таки подослал его?» Уклонившись от промелькнувшего перед лицом кулака, я ушла влево, ударила небритого сбоку по колену, а затем – ногой сзади в основание черепа. Не издав ни звука, тот рухнул лицом

вниз на ковер и затих.

Флегматично наблюдавший все это время за боем товарища великан с отрешенным видом подошел и склонился над небритым. Вид небритого меня обеспокоил. Удар был рассчитан только на то, чтобы отключить человека, но кто знает? Я с нехорошим предчувствием подошла к своей жертве и хотела наклониться, чтобы проверить, дышит он или нет. Но в этот момент кулак великана чуть не раздробил мне лицо. Кто бы мог ожидать такой проворности от этого двухметрового увальня, похожего на сонную муху! Благодаря отличной реакции я отделалась лишь ссадиной на щеке. В толпе неодобрительно загудели, возмущенные вероломством великана.

– Эй, она все же девушка! – выкрикнул кто-то из собравшихся.

Однако нападавшему было наплевать на то, что происходило вокруг. Его мутный взгляд был сфокусирован только на мне одной, и в нем читалось желание раздавить меня, расплющить, уничтожить.

«А он полный псих, – подумала я, кружась на безопасном расстоянии от живой машины разрушения, – да, наверное, я очень кому-то насолила».

Двое добровольных помощников из толпы оттащили с татами небритого, который мычал что-то, мотал головой и слабо сопротивлялся.

«Если сопротивляется, значит, все в порядке, – решила

я, отскочив в сторону от великана, ринувшегося в очередную атаку. Его ручищи загребали воздух в каких-то сантиметрах от моего тела. — Схватит меня и сломает о колено», — с легким холодком в желудке подумала я, выскальзывая. Мои удары, достигавшие цели, не приносили абсолютно никакого результата. Наверняка виной тому анаболики и стимуляторы, которые качок, судя по объемам мышц, жрал без меры. И как вот с таким бороться?

Во время очередной атаки я не смогла достаточно быстро отступить, упала и тут же откатилась в сторону, за секунду до того, как на место, где была моя голова, с глухим ударом опустилась нога великана, одетая в шнурованный армейский ботинок.

— Эй, да ты что, охренел? — закричал полный мужчина из первых рядов.

Особо не разбираясь, верзила отправил его в нокаут. Бедняга пролетел несколько метров по воздуху, прежде чем рухнуть на пол. Инструктор Паша также получил весомого тумака за попытку остановить зарвавшегося посетителя — двухметровой деревянной скамьей. От мощнейшего удара ногой лавочка раскололась пополам, только щепки полетели в стороны. Воспользовавшись заминкой, я подскочила к бугаю и прошлась по основным болевым точкам, завершая все ударом по горлу. Захрипев, великан упал на колени, и я выключила его сильнейшим ударом в голову. От его падения по залу пошел гул, будто скала рухнула. Зрители зааплоди-

ровали.

— Видно, ни с кем мне сегодня не придется идти на свидание, — громко сказала я в зал.

— А со мной не хочешь? — заорал небритый, подскакивая ко мне с ножом-«пираньей».

Его лицо искажала лютая ненависть, зубы были сжаты и оскалены. Я приготовилась принять удар. Но тут какой-то смельчак из зрителей врезал небритому ногой по голове сбоку. Бандит отлетел в сторону и повалился на спину, выронив нож. Тут уж все пришли в движение. Без лишних слов и небритого, и громилу выволокли из зала и бросили на газон.

В сутолоке я сперла у небритого из кармана спортивных штанов ключи от машины. На стоянке за клубом я огляделась, стараясь определить, где стоит машина головореза. Потом я нажала кнопку на брелке, отключающую сигнализацию, и темно-зеленая «Тойота» замигала в ответ габаритами, издавая противное гудение. Перед посещением спортклуба я навещала одного своего знакомого, занимавшегося системами охраны и наблюдения, и забрала у него оплаченный накануне комплект аппаратуры прослушивания. И вот представился случай ее испытать. Открыв дверцу, я сунула «жучок» под приборную панель, мини-камеру — спереди у зеркала заднего вида и на всякий пожарный пристроила еще и маячок от спутникового навигатора. Затем я захлопнула дверцу и вернула ключи хозяину, все еще пребывавшему в отключке. В кармане у небритого были еще поддельные пра-

ва и техпаспорт на имя Борзова Игоря Сергеевича. Подделку легко было определить по качеству полиграфии и четкости печатей. В записную книжку я занесла данные на внедорожник «Рекстон» из техпаспорта и все вещи положила ему обратно в карман. Можно будет потом пробить номера внедорожника, если понадобится.

Сев в свой «Фольксваген», я стала ожидать дальнейшего развития событий. Бандиты пришли в сознание минут через двадцать. Хмурые и злые, они подошли к машине. Здоровяк сел назад, а небритый – на водительское сиденье. Тихо матерясь, он завел двигатель и вырулил со стоянки. Выждав, когда они отъедут, я также тронулась следом, медленно набирая скорость. Приемник сигналов был оснащен жидкокристаллическим экраном, на который должно было приходиться видеоизображение, но на нем при включении была лишь чернота. Удерживая одной рукой руль, я попробовала настроить изображение. Однако мои попытки не увенчались успехом.

«Надо будет сказать Сергеичу, что его аппаратура барахлит», – решила я, а потом в голову пришла мысль, что камера могла просто соскочить от тряски. Я включила аудиосигнал, и из динамиков на фоне монотонного гула и потрескиваний донесся голос небритого. Тот клял меня последними словами, и я в очередной раз удивилась образности и богатству «русского матерного».

– Надо было мочить эту лярву сразу. А шеф – покалечьте

ее, и не больше! Да, такую покалечишь, мать ее так! – Эмоциональный монолог небритого не вызывал никакого отклика у великана. Или он был немым, или умело имитировал это.

«Значит, шеф, – невесело подумала я. – Меня вычислили и попытались нейтрализовать. Дело дрянь. Надо немедленно узнать личность шефа и принять превентивные меры».

Хлопок, машина вильнула. Удерживая руль, я нажала на тормоз. Когда «Фольксваген» остановился, вышла и посмотрела, что случилось. Спустило правое переднее колесо. Плюнув с досады, я полезла в багажник. Запаска, набор ключей. На замену колеса ушло минут пять, и ни одна сволочь не остановилась помочь бедной девушке. Прыгнув за руль, я взглянула на навигатор. Светящаяся точка замерла где-то в центре рабочего района. Прослушка молчала, и я сделала вывод, что бандиты покинули транспортное средство. Возможно, они жили по соседству. Разыскать местоположение машины, пользуясь картой навигатора, не составило труда. Бандитская машина стояла посреди небольшого пустыря, окруженного настоящими трущобами. Я притормозила в проезде между домами. В лучах яркого августовского солнца зеленая «Тойота» напоминала яркого хищного жука, притаившегося в траве. Блики играли на хромированных деталях кузова. Фары пристально смотрели в мою сторону.

«Не ловушка ли это? – подумала я, прислушиваясь к своим ощущениям. – Чего ради, спрашивается, ставить свою

машину на каком-то пустыре? Не в трущобах же они живут!» Ответ тут был один. Бандиты бросили свою машину, потому что она угнана. Проверив револьвер, я убрала волосы под бейсболку, надела солнцезащитные очки, натянула козырек пониже и, застегнув «олимпийку» до середины, выбралась из машины. Мимо проехал на велосипеде пенсионер в белом картузе, даже не посмотрев в мою сторону. Незаметно для окружающих мой взгляд исследовал местность, на мгновение он задержался на крыше полуразрушенного дома – там в окне блеснул осколок стекла, – затем скользнул к кустам. Вроде ничего подозрительного. Легким прогулочным шагом я направилась к «Тойоте». Стометровый путь до нее показался мне километровым кроссом. Когда я приблизилась к ней, по виску скатилась капелька пота, хотя погода стояла вовсе не жаркая. Вот она, машина. Поглядывая по сторонам, я прошлась вокруг – не заперто. Я открыла переднюю дверцу. Ключи находились в замке зажигания. Машина просто молила преступный элемент, чтобы ее угнали... На всякий случай проверив днище, я забралась в салон, сняла прослушку, маячок. Больше ничего интересного в машине не нашлось. Что мне оставалось делать? Я поехала домой, мучимая вопросом, кто же все-таки хочет переломать мне ноги. Когда я ставила машину в гараж, зазвонил сотовый. Незвестный городской номер. Я ответила:

– Да, слушаю.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась женщина и

представилась: – Это Агеева Алиса Юрьевна вас беспокоит. Евгения Максимовна, мне очень нужна ваша профессиональная помощь. Не могли бы вы прямо сейчас ко мне подъехать? – Хорошо поставленный голос, говорившая прекрасно владела собой, отметила я мысленно и спросила, будто не понимая:

– А какая именно помощь вам от меня нужна?

– Как – какая? – растерялась женщина. – Вы же телохранитель. Капустин посоветовал мне вас, сказал, что более квалифицированного в этой области человека, чем вы, не сыщешь.

Капустина я знала, поэтому позволила себе немного расслабиться. Генеральный директор «Тандема» при нашем с ним сотрудничестве показал себя с лучшей стороны, а его щедрую премию я вспоминаю до сих пор.

– Хорошо, Алиса Юрьевна, – сказала я более дружелюбно, чем вначале, – расскажите, пожалуйста, в двух словах о сути вашей проблемы, а там будем решать, как вести дела дальше.

– Отлично, – обрадовалась Агеева. – Моему племяннику от отца досталось приличное наследство. Из-за этого наследства его хотят убить. Вот, пожалуй, и все, если в двух словах.

– Так, а почему вы решили, что его хотят убить? – спросила я. – Было покушение или угрожающие письма, звонки?

– Его мать недавно погибла при странных обстоятельствах, – ответила Агеева. – Затем в кафе отравили его двоюродную сестру. Она выпила сок, который официант принес

для племянника.

– Ваше дело меня заинтересовало. Надо встретиться и обсудить детали, – сказала я и спросила у Агеевой, где она желает со мной увидеться.

– Если вас это не затруднит, то у меня дома, – предложила она. Я согласилась, записала адрес, прикинула время и сказала, что подъеду часа в два, в половине третьего, так как мне еще надо закончить несколько дел. Первым делом я вывела из гаража «Фольксваген», закрыла гаражные ворота.

Наклеывалась работа, и ее надо было не упустить. Деньги, полученные от последнего клиента, почти иссякли, и я неумолимо приближалась к финансовому краху.

Смущало лишь одно: что за мной самой охотятся. Хватит ли сил воевать на два фронта? Уже входя в квартиру тети Милы, я решила сначала разведать обстановку у Агеевой, а потом принять окончательное решение. Тетя Мила находилась в гостиной, разбирала какие-то картонные коробочки. Тут же на полу валялась разорванная оберточная бумага.

Я хотела спросить, чем она занимается, но тетя, заметив мое появление, опередила меня неожиданным вопросом:

– Женя, у тебя нет случайно насморка?

– Жаль тебя разочаровывать, но случайно нет, – ответила я и взяла в руки одну из коробочек. – «„Светодар“, универсальный прибор для инфракрасной чистки одежды, – прочитала я на ее поверхности, и далее: – В течение нескольких секунд данный прибор очистит вашу одежду от болез-

нетворных микробов, вирусов, бацилл и других микроорганизмов».

– Вот, посмотри, – тетя со счастливым видом протянула мне какое-то продолговатое пластмассовое приспособление. – «Чистонос» называется. В инструкции говорится, что прибор за пять минут избавит от насморка. Нужно только засунуть его в нос и нажать на кнопочку сбоку, пойдет биомагнитное излучение.

– Откуда ты все это взяла? – с подозрением спросила я. – Только не говори, что купила.

– Это Мария Александровна принесла. У нее соседка достает где-то эти приборы, – ответила тетя Мила, заглядывая в отверстие в «Чистоносе», где торчала маленькая голубая лампочка, которая будто бы выдавала целительное излучение. – Все за полцены, но я хотела сначала с тобой посоветоваться. Если честно, у меня не хватает денег...

– Нет, – резко ответила я, – не собираюсь платить за какие-то разноцветные фонарики.

– Женя, да ты что! – возмутилась тетя Мила. – Почитай инструкцию! Приборы разработаны в секретном НИИ Академии военной биомедицины Российской академии наук. Это новейшие разработки ученых и по смешной цене!

– Новейшие разработки? – переспросила я мрачно, раскрыла коробку со «Светодаром», извлекла прибор и шваркнула его об стол. От удара пластмассовый корпус раскололся, показывая почти пустое нутро. Я сунула разломанный при-

бор под нос тете: – Смотри! Видишь, обычная батарейка, переключатель и красный светодиод. Поверь мне, я разбираюсь в аппаратуре.

– А как же академия биомедицины? – ошарашенно спросила тетя Мила.

– Да нет такой академии, – устало махнула я рукой.

Постепенно шокое состояние тети сменилось неизмеримой печалью, связанной с утратой надежды на исцеление от всех болезней с помощью чуда.

– Верну все Марии Александровне, – проговорила она потерянными голосом, – расскажу ей, что приборы фальшивые. Только вот за тот, что ты сломала, придется отдать деньги.

– И сколько же это чудо стоит? – спросила я с улыбкой. – Загнули, наверно, рублей триста-четыреста за пластмассовую дребедень.

– Он две семьсот стоит, – сверившись со списком, ответила тетя Мила. Она печально вздохнула, а я еле подавила возглас удивления. От услышанного как-то сперло дыхание, я закашлялась и прохрипела:

– Две семьсот – вот эта хрень?

Тетя покосилась на меня.

– Женя, ты слишком много куришь. У тебя очень нездоровый кашель.

– У меня еще и цинга появится от недоедания, если мы будем покупать такие приборчики, – пообещала я, стирая выступившие на глазах слезы.

– Не появится, – буркнула тетя, – обед на плите. Манты будешь?

– Угу, – кивнула я, расстегивая замок на «олимпийке», – только сначала приму душ после спортзала.

– Еще суп в горшочке есть, а со вчерашнего дня осталась печень с яблоками, можно подогреть, – развивала тему тетя.

– Разберемся, – заверила я.

Тетин суп в горшочке оказался отменным. Три вида круп – рис, перловка, пшено; зелень, приправы, картошка и нежирная свинина. Волевым усилием я отказалась от добавки и придвинула к себе манты, попробовала один.

– Тетя, я что-то не пойму, что это, – мне показалось, что в мантах отсутствует, по моему мнению, главный ингредиент, – где мясо-то?

– Так это манты с тыквой, – пояснила тетя, мягко улыбаясь.

Мне стало до слез обидно. Такой обман! Манты должны быть с мясом, и ничем другим. А я возлагала на них столько надежд! Чтобы не обижать тетю, я изобразила райское блаженство.

– С тыквой! Мои любимые. Жаль, диета не позволяет есть тыкву!

– Что за диета? – тетя наливала в чайник воду и посмотрела на меня с недоверием: – Шутишь, да?

– Бестыквенная диета, – сказала я с самым серьезным видом, призвав на помощь все свои актерские способности. –

Это такая диета, когда можно есть все, кроме вареной тыквы.

– Как хочешь, мне больше достанется, – поджав губы, тетя забрала у меня тарелку.

– А можно мне печени? – заискивающе попросила я.

– Легко, – пробормотала тетя, достала кастрюльку из холодильника и, переложив содержимое в тарелку, отправила ее на две минуты в микроволновку.

Чтобы развеселить погрустневшую из-за мантов тетю Милу, я поинтересовалась, как ее подружка вляпалась в эту историю с пластмассовой дребеденью. Насколько я знала, Мария Александровна всегда была женщиной рассудительной и осторожной.

– Да это все соседка ее. Прибежала с горящими глазами и ну совать ей коробку, – махнула рукой тетя Мила, – наговорила ей кучу всего и велела подключить к распространению подруг, тогда все новинки она будет получать первой и с большой скидкой.

«Обычная история», – подумала я, слушая рассказ оключениях тетиной подружки, когда она распространяла приборы. Микроволновка запищала, и тетя, не переставая говорить, подала мне разогретую печенку.

– Представляешь, ей удалось продать только один прибор, соседу, Аркадию Васильевичу, у него еще жена в парике ходит. И то – продала, потому что его вырвала из рук собака соседа и погрызла. Ну, если считать аппарат, который ты разбила, то будет два.

– Я его почию, – заверила я, уплетая печенье, – заклею так, что Мария Александровна ничего не заметит.

– Нет, я на это пойти не смогу. Мне совесть не позволит, – отрицательно покачала головой тетя. – Поломали, значит, заплатим. А вдруг он починенный не будет работать?

– Там работать-то нечему! – воскликнула я, едва не роняя ложку. – Два проводка да выключатель.

– Все, закроем эту тему! – строго приказала тетя. Чайник вскипел, и она заварила растворимого кофе, пояснив, что молотый кончился и неплохо бы сгонять в супермаркет за продуктами.

– Ну уж уволь! По мне легче выкрасть президента Кубы, чем угодить тебе в выборе продуктов, – проворчала я. – Семь потов сойдет, пока просмотришь всякие сроки годности, акцизы, особенности упаковки и состав.

– Схожу сама, не нервничай так, Женя, – успокоила меня тетя.

– Я спокойна. – Потянувшись к блюду с печеньем, я спросила: – Так, что это у нас такое, похоже на овсяное?

– «Анютины глазки» называется, – сказала тетя задумчиво. – Почему так, ума не приложу. Никаких ассоциаций. Взяла рецепт у Марии Александровны.

– Может, вот эти темные вкрапления, похожие на глазки? – указала я на поверхность печенья.

– Пожалуй, – наморщила лоб тетя. – Используется тесто двух видов. Одно обычное, овсяное, а для крапинок – с до-

бавлением какао.

– Вкусно, – похвалила я, запивая печенье кофе, – возьму еще парочку.

После обеда я позвонила Капустину, спросила, как его дела, и поинтересовалась, не давал ли он мой телефон некой Агеевой. Оказалось, что давал.

– Однако вы, Евгения Максимовна, подозрительны, – хмыкнул он в трубку.

– Поэтому и жива до сих пор, – ответила я, – знаете, каким должен быть идеальный агент, по мнению спецов из КГБ?

– Нет, не знаю, – весело ответил мне Капустин.

– Он должен быть одновременно авантюристом, романтиком, разумным трусом, суперменом, человеком в футляре, аналитиком, упрямым исполнителем, сорвиголовой и немного параноиком, – сказала я ему.

– А ум не помутится от такой многогранности? – поинтересовался Капустин.

– У меня – нет, я проверялась, – хохотнула я и, попрощавшись, отключила сотовый.

Похоже, с Агеевой все нормально, однако, собираясь на встречу, я все равно положила в сумочку электрошок и газовый баллончик. Оделась строго, придерживаясь делового стиля, в шелковый брючный костюм бордового цвета и белую блузку. Разыскала туфли на невысоких каблуках, имеющих стальные вставки, способные при умелом использовании проломить череп. Поправив макияж, я подхватила су-

мочку и пошла к двери.

– Ненадолго или как всегда? – спросила тетя Мила, провозжая меня к двери. – Сегодня вернешься?

– Не знаю, – пожала я плечами, оглядывая себя в зеркале в коридоре.

– Значит, как всегда, – вздохнула тетя. – Будь осторожнее, ведь я знаю, какая у тебя работа.

– Буду осторожна как никогда. – Я проверила кобуру с револьвером и вышла на лестничную площадку. В данный момент короткий путь от квартиры до машины, стоявшей во дворе, мог оказаться смертельно опасным. Те двое вряд ли бросят свою затею покалечить меня. Небритый вообще жаждет меня замочить, как он выразился. Собравшись, я осторожно двинулась по лестнице, придерживаясь левой стороны, пытаясь меньше шуметь. На этот раз пронесло. Ни в подъезде, ни на улице меня никто не ждал. «Фольксваген» не преследовали.

Глава 2

Особняк Агеевой располагался поблизости от многих других, заплонивших берега Волги. Трехэтажный, с огромными полуовальными окнами, отделанный природным камнем, с четырехгранной пирамидальной крышей, крытой черепицей, он возвышался над остальными домами, как некая башня. Везде, где только можно, дом был украшен коваными ажурными решетками искусной работы. Фасад изобиловал декоративными изысками, лепниной, резьбой по камню.

Я заехала на небольшую площадку возле дома, выложенную фигурной плиткой, и остановилась у высоких ворот с острыми позолоченными пиками наверху. Камера наблюдения, висевшая на воротах, нацелилась на меня, мигая красным глазком.

– Что, меня не хотят впускать? – спросила я себя и набрала номер телефона Агеевой. – Здравствуйте, Алиса Юрьевна. Это Евгения Максимовна Охотникова, мы договаривались с вами о встрече.

– Здравствуйте, – проговорила Агеева каким-то измученным голосом. – Да, да, я помню, сейчас открою.

– Жду. – Я захлопнула телефон и убрала его в сумочку. Ворота не шелохнулись ни через минуту, ни через две. Я нахмурилась. В голове сразу родились две зловещие идеи, почему мне не открывают: или дом захвачен, или я разгова-

ривала не с Агеевой, а с кем-то другим, скажем, с киллером, проникшим в дом и уюкоошившим хоззйку. Идеи идиотские, и я их прогнала из мыслей, посмеявшись над своей подозрительностью.

– Евгения Максимовна, – позвал меня голос откуда-то сбоку. Я повернулась на его звук и увидела женщину, выглядывающую из двери, ведущей с улицы прямо в дом. На вид ей было лет сорок пять. Ухоженная, с модной прической, в кремовой блузке и черной юбке. На шее и в ушах женщины сверкали драгоценные камни, и я поняла, что это не прислуга, а, скорее всего, сама Агеева.

– Евгения Максимовна, – позвала меня женщина вновь, – идите сюда. Машину можете оставить перед домом. У нас спокойный район.

Я пожала плечами. Ладно, мой «Фольксваген» все равно так просто не угонишь. Я выбралась из машины, захлопнула дверцу, включила сигнализацию и пошла навстречу своей будущей работодательнице.

– Извините, что заставила вас ждать, но у управляющего хозяйством возникли некоторые проблемы, и он не смог подойти открыть дверь, – извинилась Агеева, краснея, словно школьница на уроке анатомии. Она пропустила меня внутрь, а потом закрыла оба замка на двери.

– Ничего страшного, не стоит извинений, – произнесла я с достоинством, осматривая огромную прихожую, обставленную кованой мебелью. Прихожая больше напоминала на-

вес, поддерживаемый массивными прямоугольными колоннами. По решеткам между колоннами вился виноград, создавая приятную прохладу и тень, а через большую арку можно было пройти в сад. В глубине сада возвышался небольшой аккуратный домик из красного кирпича. К нему вела дорожка из округлых отесанных камней, и я подумала, что это, скорее всего, домик для гостей либо что-то подобное.

– Проходите, проходите в дом, – поторопила меня Агеева, – сейчас велю подать чай.

В этот момент из домика в глубине сада вышел невысокий полный мужчина, что-то прокричал хрипло, ни к кому конкретно не обращаясь, затем, пошатываясь, побрел по дорожке, не удержался на ногах и упал.

– Это управляющий. Он неважно себя чувствует сегодня с самого утра, – выдавила из себя улыбку Агеева и почти силой втащила меня в дом.

– Может, вашему управляющему требуется медицинская помощь? Он, кажется, упал и не шевелится, – сделав серьезное лицо, спросила я.

– Ничего ему не требуется, – вспыхнула Агеева, сбросив на секунду свою маску светской дамы, потом овладела собой и спокойно пояснила: – После смерти мужа управляющий совсем распустился. Никакого с ним сладу. Трезвым за последнюю неделю я его ни разу не видела. Просто кошмар какой-то!

– Так увольте его. В чем проблема? – бросила я, поднима-

ясь вслед за Агеевой по лестнице.

– Тащить в дом нового человека? – переспросила она. – Нет. Антон Иванович работает у нас уже много лет. За все время он не имел нареканий. А новый еще неизвестно, как себя проявит.

– Вы босс, вам видней, – покорно согласилась я.

Мы вошли в просторную гостиную, стены которой украшали голубоватые гобелены со сценами из жизни древнегреческих богов. Мебель – сплошь антиквариат, красное дерево и шелк. На полу – огромных размеров персидский ковер.

– Присаживайтесь, – Агеева указала мне на жесткий диван, нажала на кнопку, скрытую в нише на стене, затем села рядом со мной на диван и предложила открытый позолоченный портсигар. Я взяла сигарету, уловив исходящий от нее ментоловый запах. Агеева свою сигарету вставила в мундштук, по виду сделанный из слоновой кости, инкрустированной золотом, протянула мне зажигалку, изящно прикурила сама и, выпустив дым, произнесла: – Итак, Евгения Максимовна, вы подумали над моим предложением?

– Да, подумала, – ответила я, – но чтобы дать окончательное согласие, я должна узнать вашу историю подробнее. У меня есть некоторые правила, которым я следую в своей работе.

В комнату вошла домработница, смуглая темноволосая женщина лет тридцати в белом переднике.

– Алиса Юрьевна, вы чего-то хотели?

– Да, Юля, принесите нам чай, – сказала Агеева, даже не глядя на прислугу, – и как там Александр?

– Он обедает, – ответила домработница.

– Хорошо, можете идти, – жестом Агеева отпустила домработницу и спросила у меня: – Что конкретно вы хотите узнать, Евгения Максимовна?

– Во-первых, я беру полторы тысячи в день плюс дополнительные расходы, если требуется какая-либо специальная аппаратура или дополнительно нанять кого-нибудь, скажем, для слежки за объектом либо выполнения поручения. – Я затанулась, выпустила дым и продолжала: – Также потребуются средства для возмещения возможного ущерба, например, разбитые машины, сожженные дома. Конечно, думаю, до домов дело дойти не должно.

– Знаете, вы меня уже пугаете, – проговорила Агеева, не спуская с меня зеленых с поволокой глаз. – Капустин вообще-то говорил мне только о тысяче рублей в день. А тут, оказывается, придется оплачивать массовые разрушения и поджоги.

– Тысяча была год тому назад, а сейчас, в результате инфляции, полторы, – улыбнулась я доброжелательно. – Про остальное – это я готовлю вас к худшему. Произойти может все, что угодно. Я буду прикладывать все силы, чтобы предотвратить неприятные моменты, свести к минимуму ущерб, а также постараюсь устранить угрозу для вашего племянника еще до того, как против него будут предприняты

какие-либо действия со стороны противника. Для того чтобы устранить угрозу, сначала следует обнаружить ее источник. Для этого надо вести расследование, что повлечет за собой дополнительные затраты. Поэтому, Алиса Юрьевна, подумайте, готовы ли вы к этому.

Агеева задумалась. Дым из сигареты в мундштуке, зажатом между ее пальцами, лениво поднимался к сводам гостиной.

– А вот скажите, какая получалась сумма за расследование и работу в самых сложных ваших случаях? – спросила она после минутного молчания.

Настал мой черед задуматься. Думала я, впрочем, недолго. Решив не ломать голову, я загасила в серебряной пепельнице, отделанной малахитом, докуренную сигарету и назвала первую понравившуюся мне сумму – двадцать тысяч долларов, упомянув, что были большие дополнительные затраты.

– Ого, не слабо! – вскинула брови Агеева. – Вижу, вы не бедствуете.

Домработница прикатила в гостиную чайный столик. Подкатив его к нам, она принялась разливать чай в чашки.

– Ну, с голоду не пухну, однако и не шикую, – ответила я на реплику Агеевой и попросила домработницу положить мне две ложки сахара.

– Юля, а почему без лимона? – поинтересовалась с обидой в голосе Агеева. – Чай всегда подают с лимоном.

– Я знаю, – пробормотала домработница, – только лимоны закончились.

– Так почему ты не купила?! – возмутилась Агеева, заливаясь краской. – Надо же регулярно пополнять запасы.

– Я же подходила к вам... – начала было домработница, но Агеева ее резко перебила:

– Все, вы свободны, Юля, идите.

Поджав губы, домработница вышла, а Агеева обратилась ко мне, сетуя, как трудно нынче найти хорошую прислугу:

– Представляете, мне приходится учить их элементарным вещам!

Наблюдая за тем, как она нервно сцепляет и расцепляет пальцы, я спросила:

– Если у вас финансовые трудности и вы не в состоянии оплатить мои услуги, то лучше признайтесь в этом сразу.

– С чего вы решили, что у меня трудности? – вскинулась Агеева. – Просто после смерти мужа я никак не могу прийти в себя, вот все и распустились. Насчет денег не волнуйтесь. Я как раз ожидаю крупную сумму за... – она запнулась, – мне должен один человек.

– Понятно, – кивнула я, подумав, что, скорее всего, дела Агеевой настолько плохи, что она продала часть вещей из дома или какие-нибудь драгоценности. Всеми делами наверняка занимался муж, и теперь Агеевой приходится туго. Деньги на счетах подошли к концу. В доме повсюду следы запустения, несмотря на остатки прошлой роскоши. Управ-

ляющий пьет.

– Александр сейчас пообедает, и вы с ним познакомитесь, – сказала Агеева, меняя тему разговора.

– Ничего, я никуда не тороплюсь. – Я взяла чашку и сделала глоток, затем продолжила: – Алиса Юрьевна, расскажите, пожалуйста, все поподробнее с самого начала, обстоятельства, при которых ваш племянник получил наследство, что за этим последовало. Постарайтесь ничего не упустить, так как каждая мелочь может оказаться важной.

– Хорошо, – Агеева согласно кивнула. – Это началось почти восемнадцать лет назад. Мой брат Всеволод, бросив жену и сына Александра, сошелся с дочкой бразильского посла и уехал с ней в Бразилию. Там он начал свой бизнес, кажется, разводил скот. Разбогател. А месяц назад пришло известие о его смерти. Все свои деньги по завещанию он оставил Александру. Мне кажется, что именно из-за этого начались все проблемы. У меня был еще второй брат, Глеб. Он погиб еще до отъезда Всеволода в Бразилию. Так вот, у него остался сын, Иван, подлец редкостный, и он очень недоволен положением дел, хочет прибрать денежки себе. Александр мешает, поэтому он решил его убить и нанял кого-то.

– Алиса Юрьевна, давайте не будем делать поспешных выводов, – попросила я.

– Какие они поспешные? – с недовольством спросила Агеева. – Думаете, это простое стечение обстоятельств, что мать Александра повесилась через неделю после известия о сва-

лившемся на нее состоянии? Тут надо радоваться, а не вешаться. У нее не было причин расставаться с жизнью.

– А что сказали в милиции по этому поводу? Проводились же какие-то следственные действия, – поинтересовалась я.

– В милиции сказали, что Ирина допилась до чертиков и в невменяемом состоянии залезла в петлю, – ответила Агеева с налетом брезгливости на лице.

– Так, и для этого были основания? Она что, пила? – заинтересовалась я, ставя чашку на поднос. По лицу Агеевой было видно, что данная тема ей крайне неприятна.

– Да, Ирина хорошо закладывала за воротник, – произнесла она после короткого колебания. – Всеволод присылал им с сыном какие-то деньги, и она могла себе позволить нигде не работать и вести разгульный образ жизни.

– Конечно, она обрадовалась наследству и наверняка отмечала это дело, – предположила я, уже представляя себе, как все происходило в реальности.

– Соседи сказали, что музыка у нее гремела каждый день до поздней ночи, – нехотя призналась Агеева. – На квартире были какие-то приятели ее нового сожителя, тоже алкаши. Людям приходилось вызывать милицию, чтобы утихомирить их.

– Что ж, тогда версия следствия имеет право на жизнь. Люди в пьяном виде кончают с собой на каждом шагу, – подвела я итог. – Сожителя и его приятелей допрашивали?

– Да, но в тот день, когда Ирина повесилась, никого из них

не было поблизости. Рашид, ее сожитель, вообще уезжал в соседний город, закупал товар и заночевал там в гостинице. Машины, что ли, не смог найти, точно не знаю. — Агеева с сосредоточенным видом изучала содержимое своей чашки, будто хотела в чае разглядеть свое будущее, как гадают на кофейной гуще.

— С одной стороны, действия сожителя выглядят так, словно он хотел обеспечить себе алиби, — сказала я и добавила: — С другой стороны, все сходится. Ирина осталась наедине со своим похмельем. Депрессия и, как следствие, суицид.

— Может, вы и правы, — согласилась с неохотой Агеева, — однако в другом случае места для сомнений нет. Я с Александром сидела в кафе. К нам подседа Екатерина, дочь Ивана. Решила пообщаться с родственниками, так сказать. А раньше-то на Александра плевала. Видно, сорок миллионов здорово смягчили ее сердце.

— Сорок миллионов долларов? — спросила я, внезапно охрипнув.

Агеева замолчала, шокированная тем, что проговорилась. Я догадалась, что в ее планы не входило посвящать меня в информацию о размерах наследства.

— Алиса Юрьевна, поймите, что если вы нанимаете меня, то должны полностью мне доверять, — прервала я неловкую паузу. — Прежде всего, чтобы понять степень опасности для Александра, я должна владеть сведениями о величине наследства. Чем оно больше, тем выше степень опасности и тем

более изощренные средства может применять противник. Я должна буду отвечать на его действия адекватно.

– Всеволод оставил Александру сорок миллионов долларов в акциях и банковских депозитах. Кроме того, примерно столько же стоит его предприятие, плюс большой дом и квартира в центре Буэнос-Айреса.

– В целом неплохо, – кивнула я, ощущая легкий холодок в позвоночном столбе. За гораздо меньшие деньги людей пачками отправляют на тот свет, а тут – более ста миллионов!

– Я расскажу дальше про кафе, вы не против? – спросила Агеева. Не услышав возражений, она продолжила: – Мы с Александром сидим в кафе. Подсаживается Екатерина. В этот момент официантка приносит стакан апельсинового сока, который заказал племянник. Екатерина сказала, что ей очень жарко, и, выхватив стакан буквально из рук Александра, выпила часть. Потом мы все вместе заказали мороженое. Екатерина допила остатки сока и упала замертво. Я позвонила «ноль-два».

– Надеюсь, в милиции не сказали, что это самоубийство? – поинтересовалась я с иронией.

– Нет, сказали, что у нее было слабое сердце, – с горечью сказала Агеева. – Представляете, слабое сердце у здоровой двадцатилетней девушки! Да, признаю, что на улице тогда было жарко, но я же не упала там от сердечного приступа, хотя мне по возрасту положено, я на тридцать лет старше ее.

– Когда девушка к вам подошла, она не выглядела больной

или перевозбужденной? – стала расспрашивать я клиентку. – Может, она хотя бы вскользь пожаловалась на недомогание?

– Нет, ничего такого не было, – возразила Агеева решительно, – выглядела отлично, живая, жизнерадостная.

– Ясно, – протянула я и уточнила: – А сколько времени прошло с момента, когда она попила сока, до предполагаемого сердечного приступа?

– Минут десять-пятнадцать, не больше. Разве сейчас вспомнишь? – пожала плечами Агеева. – Мы ели мороженое, разговаривали, и вдруг раз – и все... – Она замолчала.

Я же подумала, что случившееся с родственницей Агеевой сильно напоминает отравление курарином. Через десять-пятнадцать минут после приема наступает паралич всей мускулатуры, в том числе и сердечной мышцы. При вскрытии яд не обнаруживается, а доктор пишет, что причина смерти – остановка сердца. Чистая работа!

– Насчет смерти Екатерины надо еще кое-что выяснить, но по первому впечатлению у меня рождаются тревожные предчувствия, – сказала я вслух, – по-видимому, работают профессионалы. Как вы думаете, кто их мог нанять?

– Хм, тут и думать нечего, – хмыкнула Агеева, – мой племянничек Иван, конечно же.

– Это сын Глеба, вашего брата. – Я достала из портсигара сигарету и закурила.

– Да, он, – подтвердила Агеева, – очень нехороший человек, связан с бандитами, с их помощью пролез во власть, те-

перь – первый заместитель мэра города, отвечает за транспорт и дорожное строительство. Посмотрите, в каком состоянии в нашем городе транспорт и дороги, и все станет ясно. Про него уже сколько в газетах писали, собирались снять, а ему все нипочем. В октябре на выборы собирается идти, хочет пройти в областную думу. Он копия своего папаша. Глеб, пока его не сожгли на даче какие-то бандиты, держал в страхе весь город. Его банда такое творила, что просто держись! Потом он обнаглел настолько, что обокрал своих же. Глеба за это пристукнули, но денег не нашли. Из-за этого всякие уголовники терроризировали нашу семью еще около года. Несколько раз врываются ночью, обыскивали. Ужас, что было! Его сын Иван – такой же отморозок, якшается с урками, хоть сам в правительстве.

– Так, с ним все понятно. А больше у вас подозреваемых нет? – оборвала я ее тираду. – Скажем, дети Всеволода от бразильянки, да и сама бразильянка может подать в суд, чтобы оспорить завещание, а чтобы подстраховаться – нанять убийц.

– Нет, – покачала головой Агеева. – Вторая жена Всеволода умерла при родах, а других детей у него не было.

«С этим еще можно поспорить, что других детей не было», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Я долго размышляла, кто бы, кроме Ивана, мог желать смерти Александру, но таковых не нашла, – сказала Агеева, тяжело вздохнув.

– Теперь решим другой вопрос, – предложила я. – Как вы хотите, чтобы я охраняла вашего племянника? Я имею в виду, находиться ли мне рядом с ним постоянно, или лишь сопровождать его на улице, при посещении каких-либо заведений, при встречах с кем-либо.

– Конечно же, я хотела бы, чтобы вы всегда находились рядом с ним, – ответила Агеева с легким раздражением, – убийцы могут проникнуть и в дом, и куда угодно.

– Значит, я буду жить здесь, у вас, – предположила я, но ошиблась. Агеева отрицательно затрясла головой, при этом в лице ее отразился испуг.

– Нет, нет, вы будете жить не здесь, а на квартире, где Александр жил с матерью. Я же в это время буду заниматься оформлением документов.

В комнату вошла домработница. Я подняла на нее глаза и увидела, кого она привела с собой. Наконец передо мной предстал Александр, двухметровый верзила с каким-то детским лицом и глупой улыбкой. За доли секунды я поняла, что у Александра не все в порядке с головой. В глазах светилось бесконечное удивление, а на шее болталась салфетка, перепачканная едой.

– Ой, – обернулась домработница и сорвала «слюнявчик» с шеи Александра. В ответ он сердито буркнул: «Отстань» – и легонько толкнул Юлю в грудь. Его тетя ахнула и вскочила с места. Судя по габаритам, парень обладал недюжинной силой, поэтому от его легкого толчка домработница полетела

на пол и взвыла от боли. Падение домработницы испугало Александра больше, чем саму женщину. С побледневшим, перекошенным от ужаса лицом Александр бросился к Юлии, едва ли не рыдая:

– Тетя Юля, я не хотел, прости меня, пожалуйста! Я больше не буду.

– Саша, ну ты как медведь, – пожурила его Агеева. Верзилу замечание тети расстроило еще больше. Простирая руки к своей жертве, он всхлипнул, громко потянув носом.

– Саша, да все в порядке, уже не болит, – улыбнулась домработница через силу, только чтобы прекратить истерику великовозрастного малыша. Александр помог Юлии подняться, а Агеева, обращаясь ко мне, представила племянника:

– Это наш Саша, Евгения Максимовна. Он обычно не хулиганит и ведет себя послушно.

Чтобы показать, какой он послушный, Александр встал по стойке «смирно», спрятал мощные руки за спину и, опустив глаза, судорожно вздохнул, подавляя всхлип.

– А это Евгения Максимовна, Саша, она будет за тобой присматривать, – ласково обратилась Агеева к племяннику.

– Я особенный, – улыбаясь во весь рот, сообщил мне Саша, – так тетя говорит.

– А можно мы останемся с твоей тетей наедине? – сладким голосом, улыбаясь, сказала я Александру. – Пойди, Саша, погуляй, а тетя Юля покажет тебе что-то интересное.

Глаза домработницы удивленно распахнулись.

– Тетя Юля, быстренько покажите ребенку интересное, – сказала я все так же сладко, но зыркнула на домработницу так, что она мгновенно все поняла и вывела Александра из комнаты.

– Вы что, чем-то недовольны? – с невинным видом поинтересовалась Агеева, усаживаясь на диван. Я присела напротив и деловым тоном с примесью сарказма сказала:

– Да, легкое недовольство у меня вызывает умственное состояние вашего племянника. Кроме телохранителя, ему нужна сиделка и парочка санитаров, чтобы успокаивать, когда он разбушует.

– Ну, не надо так драматизировать ситуацию, – отмахнулась от моих слов Агеева. – Подумаешь, случайно толкнул на ваших глазах домработницу. Вы же видели, как он раскаивался. Саша и мухи не обидит.

– Ладно, попытаюсь еще раз до вас достучаться, – произнесла я с нажимом. – Вот мы будем жить с ним вдвоем в квартире его матери, а кто будет нам готовить, стирать? Не проще ли мне поселиться здесь?

– Нет, Евгения Максимовна, на это я никогда не соглашусь, – непреклонно сказала Агеева и хлопнула в доказательство своей серьезности по дивану рукой. – Я, конечно, люблю Сашу, как родного сына, детей-то у меня никогда не было. Но я не хочу, чтобы меня прихлопнули из-за его наследства только потому, что я буду находиться поблизости. Понимаете, я просто боюсь, – в полных отчаяния глазах хо-

зыйки появилось молящее выражение, – я боюсь смерти. Вы разве не боитесь?

– Боюсь, – подтвердила я, – иначе бы давно кормила червей.

– Саша рос по большей части у меня на глазах. Пока его мамаша пила, он приходил сюда, и мы играли, ходили в парк. Я даже учила его читать и писать. – Рассказывая, Агеева сдерживала слезы, стоявшие в ее глазах. – Но страх – такая вещь, что порой пересиливает любые чувства. То, как умерла Екатерина, до сих пор стоит у меня перед глазами. У нее было такое испуганное лицо! Оно каждую ночь преследует меня в кошмарах, и тогда я просыпаюсь и кричу посреди ночи. Когда Саша здесь, мне все время кажется, что по коридору крадется убийца или что кто-то затаился под лестницей...

Я слушала Агееву и думала, что помощь психиатра требуется ей даже больше, чем ее племяннику. Смертельно испуганная женщина на грани нервного срыва.

– Я оформляю бумаги на усыновление, – продолжала рассказ Агеева. – Я считаю, что смогу позаботиться о Саше намного лучше его родной матери. Договорилась с органами опеки, чтобы пока оставили его со мной. Но Иван, у него же повсюду связи! Он сказал, что оформит усыновление Александра на себя, чтобы я даже не совалась, иначе обещал меня урыть. Ему же нужны лишь Сашины деньги.

– А вы что же, от денег откажетесь? – съязвила я.

– Нет, конечно, но при чем тут это? – нахмурилась она.

– Ни при чем. – Я сделала вид, что изучаю огромную люстру из богемского стекла под потолком. Точно такая же была у одного знакомого антиквара, которого мне как-то пришлось охранять. За время работы с ним я узнала некоторые хитрости этого бизнеса и могла отличить подлинную вещь от грубой подделки.

Агеева проследила за моим взглядом и сказала:

– Красивая, правда? Муж привез из Чехословакии, когда служил. Потом начал свой бизнес. Выкупил ткацкую фабрику и отправлял в Европу ткани, хлопок, лен.

– Так как же мы будем жить с вашим племянником? – вернула я Агееву к интересующей меня теме.

– Юлия будет приходить к вам каждый день, готовить и забирать в стирку белье, – спокойно сказала Агеева. – Вот увидите, Александр не доставит вам особых проблем.

В комнату резко вбежала Юлия. Выравнивая сбившееся дыхание, она произнесла:

– Это что же, я буду работать на два дома за те же деньги? – Немного опомнившись, она добавила: – Я проходила мимо и случайно услышала, как вы про это говорили.

– Ты подслушивала! – выкрикнула Агеева с расширенными глазами, становясь в обвиняющую позу. – Да как ты посмела!

– Ой, перестаньте! Подумаешь, как будто конец света. – Со сверкающими праведным гневом глазами Юлия уперла руки в бока. – Я не какая-нибудь рабыня!

– Какая же ты все-таки наглая, – покачала головой Агеева, потрясенная происшедшим. Перед ней словно открылась великая истина. – Как ты можешь так себя вести?

– Ну, увольте меня, если моя работа вас не устраивает, – равнодушно бросила домработница и отвернулась, чтобы уйти.

– Подождите, Юлия, – позвала ее Агеева, – не уходите. Вы же ничего не узнали как следует, а устраиваете скандал. За работу на квартире Ирины я буду доплачивать вам пятьдесят процентов месячного жалованья.

– Хорошо, я согласна, – Юлия скромно опустила глаза, опять превратившись в покорную домработницу.

– А где Александр? Что он сейчас делает? – строго спросила Агеева, входя в роль хозяйки.

– Он на кухне, мух бьет, – ответила Юлия быстро. Мне вспомнились слова Агеевой, что он и мухи не обидит, и я не смогла сдержать улыбку.

Когда она ушла, Агеева беспомощно посмотрела на меня.

– Видите, что мне приходится терпеть от нее, а уволить нельзя, потому что на ее место придет какая-нибудь неумеха или, того хуже, наркоманка, которая будет все из дома тащить.

– Да, могу только посочувствовать вашим проблемам, – с притворным сочувствием сказала я, – мне-то прислугу выслушивать не приходится – за неимением таковой. Счастливый я все-таки человек!

– Вы надо мной издеваетесь, что ли? – настороженно спросила Агеева.

– Самую малость, – честно призналась я, – из зависти.

– А-а, – озадаченно протянула Агеева, не зная, что добавить.

– Теперь подведем итог, – предложила я, – самая меньшая из ваших проблем – это прислуга. Оформляя документы на усыновление, вы подставляете себя под удар, даже не находясь рядом с Александром. Бесплатный вам совет – наймите еще одного телохранителя для себя. Кроме того, бегло осмотрев дом, я убедилась, что он не отвечает элементарным мерам безопасности. Камера над воротами – хорошо. Но вы открыли мне, не потребовав предъявить никаких документов, а вдруг я бы оказалась киллером?

– Но мы же договорились о встрече. Я вас ждала... – попыталась возразить Агеева.

– Что, если ваши переговоры подслушиваются? – спросила я, прищурившись, изучая ее ошарашенное лицо. – Услышав ваш разговор со мной, эти люди подсылают к вам женщину-киллершу. Как вам такая перспектива?

– Я даже не могла предположить такое, – выдохнула Агеева, ужаснувшись.

– Впредь будьте осторожнее, – посоветовала я назидательным тоном. – Еще неплохо бы установить на входные двери засовы, а на окна первого этажа – решетки, чтобы они открывались изнутри. Кроме этого, ваш дом на сигнализации, но

не помешали бы как дополнение сирена и специальное освещение во дворе, чтобы оно включалось и освещало двор при проникновении злоумышленников. Один яркий свет может отпугнуть убийц лучше любой сигнализации.

– Все это, наверно, дорого стоит, – с унынием проговорила Агеева.

– Не так, как вы себе воображаете, – сказала я в ответ, – несколько прожекторов, датчики движения и пульт. Засовы – вообще элементарщина, тысячи три, не более.

– Если это возможно, то я обязательно выполню ваши советы, – проговорила Агеева с серьезным видом.

Я записала ей телефоны фирм, где ей смогут помочь в этом. Она поблагодарила, убирая бумажку, вырванную из блокнота. Для ознакомления со своей семьей Агеева показала мне большущий альбом с фотографиями. Листая его, я отметила практически полное отсутствие фотографий Глеба, только детские да подростковые до двенадцати лет. После двенадцати Глеба, по словам Агеевой, как подменили. Он практически не появлялся дома, пропадая то в подпольных – в советские времена – секциях карате, то в сомнительных компаниях. Родителей постоянно таскали в милицию. Кражи, разбои, и, как результат, его посадили в колонию, как только подошел необходимый возраст. Разглядывая фотографии отца и деда Агеевой, я заметила, что все мужчины в их роду были рослые, широкоплечие. Мы выпили еще по чашке чая. Затем Агеева дала мне ключи от квартиры по-

гибшей Ирины, сказав:

– Там живет этот, сожитель матери Александра, Рашид – наглый, мерзкий тип. Было бы просто замечательно, если бы вы его выгнали оттуда!

– Опять двадцать пять, – проговорила я разочарованно, – проблемы множатся на глазах, как кролики.

– Евгения Максимовна, Рашид нагло влез в квартиру Ирины и не хочет уходить. Я подала в суд, но дело тянется и тянется, а вы могли бы решить его раз и навсегда. – Агеева красноречиво посмотрела на мою кобуру, выглядывающую из-под пиджака. – Покажете ему пистолет, и он сам убежит.

– Или вызовет милицию и скажет, что я хотела его убить. Зачем мне такая головная боль? – поинтересовалась я.

– Я просто предположила, – пошла на попятную Агеева. – За изгнание этого подлеца из квартиры вы могли бы получить неплохую премию.

– Обещаю подумать, – бросила я, поднимаясь. – Где там ваш «особенный» мальчик?

Глава 3

Квартира погибшей Ирины Корноуховой встретила нас неприступной на вид железной дверью. Еще входя в подъезд, я думала о бандитах, пытавшихся переломать мне ноги. Случайность или непросчитанная закономерность? «Что, если телефон Агеевой действительно прослушивался?» – подумала я, и эта мысль не показалась мне такой уж надуманной. Все совпадало. Был подслушан разговор Агеевой с Капустиным, когда он советовал нанять меня в качестве телохранителя для Александра. Потом эти люди как-то вычислили меня, выследили у спортивного клуба и решили провести упреждающий удар, чтобы я не путалась у них под ногами. Что ж, в этом нет ничего невозможного. Чтобы проверить эту версию, достаточно обыскать дом Агеевой на предмет «жучков».

– Егенева Максимовна, – исковеркал мое имя Александр, глядевший на меня сбоку с добродушной улыбкой, не сходившей с его губ, – вы ключи потеряли, да?

– Нет, вот они, – я вынула ключи из кармана и позвенела перед его носом, – и зови меня Женей.

– Женей, вот здорово! – восхитился Александр. – Значит, у вас два имени!

– Выходит, что два, – сердито буркнула я, пытаюсь вернуть ключ в замке. – Что за хрень? – Ни первый, ни вто-

рой ключ не подходили к замкам. Я нажала на звонок.

– Кто там? – спросил заинтересованный мужской голос из-за двери, при этом «глазок» потемнел.

– Это я, дядя Рашид, открой! – радостно заорал Александр, пританцовывая на месте.

– А, придурочный, – протянул голос, – иди, откуда пришел, тебе здесь нечего делать. Иди к Алиске, понял?

– Нет, тетя Алиса велела идти сюда, – нахмурившись, сказал Александр, понимая, что что-то не так.

– А я велю тебе идти отсюда, – со злорадством ответили из-за двери, – и подружку свою прихвати!

– Открой! Открой! – завопил Александр во все горло. Плача от обиды, он бросился на дверь, едва не сбив меня с ног, и принялся молотить по ней кулаками. От его ударов по всему дому пошел гул. Мне на голову с потолка обвалился кусок штукатурки.

– Ну! Прекрати, придурок, дверь снесешь! – крикнул из-за двери мужской голос. В нем слышалось неподдельное беспокойство.

– Саша! – закричала я разбушевавшемуся Александру. – Пойдем на улицу, слона посмотрим.

– Какого слона? – верзила прекратил попытки выломать стальную дверь голыми руками и, утерев рукавом своей красной в клетку рубашки нос, посмотрел на меня изумленно. – У нас же слоны не живут, тут холодно. Тетя сказала, что они или в Африке, или в зоопарке.

– Один убежал из зоопарка и гуляет поблизости, пойдем, – соврала я, осторожно таща его за руки к лестнице. Забаррикадировавшийся в квартире Ирины сожитель должен быть уверен, что мы уходим.

Не обнаружив на улице слона, Александр страшно расстроился.

– Он, наверно, убежал дальше, – потерянно пробормотал он, озираясь по сторонам.

Мы стояли в подъезде, а я придумывала план проникновения в квартиру, машинально закуривая сигарету. Внезапно ручища Александра мелькнула перед моим лицом. Его пальцы выдернули из моих рук сигарету и размяли ее тут же, на моих глазах. Я лишь успела отшатнуться, схватилась за электрошок, припрятанный в приоткрытой сумочке, но успокоилась, заметив, что Александр не собирается отрывать мне голову, а просто стоит и улыбается до ушей.

– Как это понимать? – спросила я, немного расслабляясь.

– Сигареты вредные, они вызывают рак, ты можешь умереть, – пояснил Александр с таким видом, будто бы из нас двоих я была умственно отсталой. – Я не хочу, чтобы ты, Женя, умерла. Ты мне нравишься. Я даже подумываю на тебе жениться, но еще не решил.

– Спасибо тебе большое, – поблагодарила я Александра и поинтересовалась: – Тронута твоей заботой, только скажи, почему ты не решил еще на мне жениться? Что, я для тебя недостаточно красивая?

– Нет, ты красивая, красивее даже тети Юли, но ей я обещал жениться вперед, – объяснил он с несчастным видом. Похоже, это решение далось ему нелегко.

– Ну, раз ты обещал тете Юле, то нельзя ее обманывать, – согласилась я с серьезным видом, – я уж как-нибудь обойдусь. Эх, такого выгодного жениха проворонила!

– Но мы можем просто дружить, – просиял Александр от пришедшей в его голову мысли.

– Конечно, – кивнула я, – а теперь давай сделаем дяде Рашиду сюрприз.

– Какой? – Александр снизил голос до шепота. Его глаза удивленно расширились.

– Мы тихо-тихо поднимемся по лестнице, я открою дверь другими ключами, войдем внутрь, и ты закроешь глаза руками, пока я не разрешу тебе их открыть. Хорошо?

Александр наморщил лоб, осмысливая мое предложение.

– Мы войдем, и ты закроешь глаза руками вот так, – я показала ему для наглядности, плотно закрыв ладонями свои глаза.

– Да, я так умею, это как в прятки... – радостно закивал головой Александр.

– Тогда идем, – двинулась я к лестнице, – только помни, веди себя очень тихо.

На удивление, все прошло без сучка, без задоринки. Мы тихо поднялись наверх. Мне даже приходилось оборачиваться и проверять, идет ли за мной Александр, так он неслышно

двигался. Всякий раз он мне счастливо улыбался, а я прикладывала палец к губам, призывая его к молчанию. У самой квартиры я бесшумно достала отмычки, быстро открыла оба замка и ворвалась внутрь. Александр вошел следом. По моему приказу он сразу закрыл ладонями глаза.

– Что за дерьмо! – заорал вбежавший в прихожую Рашид. Это был невысокого роста худощавый мужчина с ежиком черных жестких волос, раскосыми глазами и немного приплюснутым носом. Больше он сказать ничего не успел, так как мой кулак «внедрился» ему в солнечное сплетение. В последующие несколько секунд я провела против него еще несколько болевых приемов, толкнула жертву на пол и ткнула в нос дуло револьвера, процедив:

– Будешь дурить – вышибу мозги, а ментам скажу, что ты вломился в квартиру и пытался меня изнасиловать.

Несмотря на первоначальный испуг, Рашид взял себя в руки. На его губах расцвела глумливая улыбка, глаза сузились.

– Не выйдет у тебя ничего, шалава. Я прописан здесь! Можешь стрелять! Это будет выглядеть как хладнокровное убийство.

– Это сюрприз, – пробормотал ничего не понимавший в нашем разговоре Александр, убрав с глаз ладони. Я еле успела спрятать револьвер, чтобы не травмировать его неокрепший ум.

– Хороши у вас сюрпризы, – проворчал Рашид, поднима-

ясь с пола. Я, по-видимому, слишком сильно ткнула его стволом в нос, так как у сожителя Ирины лопнул какой-то сосуд и из носа выкатилась капля крови, оставляя красный след.

– У тебя кровь! – воскликнул испуганно Александр, указывая пальцем на лицо отчима. Тот стер тыльной стороной ладони кровь, посмотрел на нее и, показав руку мне, злобно сказал:

– А это уже причинение вреда здоровью. Я могу вас обоих засудить. Этот придурок, – он кивнул на Александра, – пойдет пособником.

– Хватит чушь нести! – рявкнула я на него. – Собирай свои манатки и вали отсюда, пока вред твоему здоровью еще не так велик и ты еще можешь двигаться.

– Я прописан здесь, и по новому Жилищному кодексу меня может выгнать только хозяин квартиры, – нагло заявил Рашид, набычившись. – Хозяйка, Ирина, умерла. Придурок Сашка еще не оформил наследство, так что еще не является владельцем жилплощади. Вас же, прекрасная незнакомка, я вообще попрошу заткнуться. Ты здесь вообще никто, и зовут тебя никак.

Я сделала вид, что дружески положила ему руку на плечо у основания шеи, а сама невзначай сдавила сонную артерию. Захрипев, Рашид пошатнулся, делая вялые попытки к сопротивлению.

– Что же ты делаешь, сучка? – смог выдавить из себя он и сполз по стенке на пол.

Я же громко заголосила:

– Ой-ой, дяде Рашиду плохо, надо отнести его на кровать.

– Я отнесу, – вызвался Александр, сгреб отчима, как пушинку, и, положив его на плечо, понес в спальню. Несколько раз он ударил пострадавшего об углы прямо головой, затем передумал нести «дядю» в спальню и свалил его на диван.

– Вот урод, – простонал Рашид с закрытыми глазами, ощущая голову.

Я отослала Александра на кухню, чтобы он провел ревизию в холодильнике. Подойдя к дивану, я присела и ласковым голосом проговорила:

– Слушай, мужик, ушел бы ты с квартиры подобра-поздорову. Представь, вот ляжешь ты сегодня спать, а я спрячу какую-нибудь игрушку или вещь, а потом скажу Александру, что дядя Рашид проглотил ее. Он, добрая душа, поверит и, чего доброго, попытается ее достать. Боюсь и представить себе эту картину – кровь, кишки по всей комнате...

– Не надо гнать пургу, – с расстановкой проговорил Рашид. Открыв глаза, он сел и посмотрел на меня с презрением и насмешкой. – Я не боюсь ни тебя, ни этого дебила. Из квартиры я и шага не сделаю!

Что тут можно было сказать? Я глядела на Рашида и думала, что мне попался третий калач, отпетый мошенник, каких мало, поэтому просто так на пушку его взять не удастся. Такой прохиндей и засудить может за одну царапину.

– Кстати, ведь нашему дебильному другу и я могу что-

нибудь наплести, когда ты соберешься почитать, – мерзко хихикнул Рашид, коснулся затылка и охнул: – Мать вашу, всю голову разбил, падла!

– Он невменяемый, что с него взять, – проговорила я равнодушно.

– Как же, невменяемый, придушивается больше, – проворчал Рашид, зыркнув на меня исподлобья. – Когда ему надо, он все великолепно понимает.

– Так, Рашид, поскольку ты поменял замки, изволь дать мне комплект ключей, – потребовала я ледяным тоном.

– А если не дам, что тогда? – с наглым видом спросил Рашид, откинувшись на диване и положив ногу на ногу. – Что, убьешь меня, покалечишь или опять начнешь запугивать?

– Нет, – ответила я спокойно, – позвоню своим знакомым с железной дороги. Они приедут, возьмут тебя и вывезут в товарном вагоне куда-нибудь в район Сахалина. К твоему возвращению здесь будет стоять сейфовая дверь с электронным замком, настроенным на мои отпечатки пальцев. Агеева оплатит все расходы с превеликим удовольствием. Впрочем, с Сахалина ты, скорее всего, не вернешься. Места там глухие, медведи под каждым кустом.

– Фуфло, – проворчал Рашид, но в глазах его промелькнуло беспокойство.

– Понимаешь, выхода у меня не остается, – вздохнула я. – Агеева платит мне бабки, чтобы я охраняла ее племянника. Ты мне мешаешь выполнять работу, так что по-любому с то-

бой надо что-то делать. Не знаю, может, яду тебе в жратву подмешать...

– Ну-ну, будешь мне тут! – прикрикнул Рашид и весь подобрался. – За одни такие разговоры тебя можно привлечь.

– А где свидетели? – развела я в стороны руки.

Хмурый Рашид порылся в кармане спортивных трико и выудил связку ключей, бросил мне.

– Держи, только перестань строить из себя головореза, жалкое зрелище.

– Да ну? – улыбнулась я, забирая ключи. – Еще я бы не отказалась взглянуть на твой паспорт с пропиской, а то меня терзают смутные сомнения...

– А я бы хотел посмотреть твои документы, чтобы знать, на кого писать заяву, коли начнут пропадать вещи, – любезно ответил Рашид. Я согласилась. Порывшись в выдвижном ящике стенки, он разыскал свой паспорт и протянул мне. Рашид Анварович Джумгалиев, значилось там, паспорт был выдан в Москве, там же была отмечена старая прописка, а новая, тарасовская, действительно совпадала с адресом этой квартиры. Тяжело вздохнув, я вернула Рашиду паспорт и забрала у него свой, поддельный.

В комнату вошел Александр, улыбнулся нам обоим и заявил, что нашел в холодильнике колбасу, сыр, салат, три банки пива и полбутылки водки.

– Конфет не было, – с грустью добавил он.

– Это все мое, рот не разевайте! – завопил Рашид, услы-

шав речи о еде. – Я не намерен вас кормить.

Игнорируя его выступление, я позвонила Агеевой, сообщив, что мы нуждаемся в провианте. Агеева пообещала в кратчайший срок решить эту проблему. Я попрощалась с ней и обратилась к Джумгалиеву:

– Рашид, я сейчас пойду и заберу вещи из машины, затем поставлю ее на стоянку. Если к моему приходу дверь окажется забаррикадированной, ты горько пожалеешь об этом.

– Ой-ой, испугала! – с наигранным испугом воскликнул Рашид, ломаясь передо мной, как соевый пряник. – Посмотрите, какие мы страшные!

Голубая искра, проскакивающая с треском между контактами электрошока, заставила его мгновенно умолкнуть.

– В общем, мы поняли друг друга, – процедила я, убирая шокер в сумочку, и бросила Александру: – А ты, Санек, поиграй пока во что-нибудь или посмотри телевизор.

– Я буду рисовать, – с гордостью сказал Александр.

– Отличная идея, – похвалила я и вышла из квартиры.

На улице ярко светило солнце. Его лучи, пробираясь сквозь кроны тополей, росших у дома, скакали по серому асфальту солнечными зайчиками. На ветвях воодушевленно каркали вороны, радуясь хорошему дню. Открыв багажник, я вытащила оттуда сумку, набитую всем самым необходимым для работы. Перед тем как приехать сюда, мы с Александром заглянули на квартиру тети Милы. Пока мой клиент скучал в машине, я собрала сумку и захватила свой ноут-

бук с модемом. Теперь мне предстояло следить, чтобы Александр ничего не вытворил с дорогой аппаратурой, иначе мое расследование закончится, не начавшись. Оттащив сумку в квартиру, я вернулась за компьютером. Взгляд зацепился за пакет с пирожками, который тетя мне всучила в дорогу. Я взяла и его. Рашид осознал всю серьезность моих намерений, поэтому препятствий чинить не старался. Наверное, с горя он сел в одиночестве на кухне и уговорил половину бутылки водки, что стояла в холодильнике, повеселел, даже затянул какую-то песню, слов которой нельзя было разобрать на трезвую голову. Пока он набирался, я успела поставить машину и вернуться. Тут встал вопрос, кто в какой комнате будет спать.

– Забирай себе спальню, – великодушно предложил Рашид, закуривая сигарету.

– С чего такая щедрость? – насторожилась я, готовившаяся к драке за каждый дециметр жилплощади.

Рашид воровато оглянулся, нет ли поблизости Александра, потом, наклонившись ко мне, прошептал:

– Там Иринка повесилась. Пробовал там спать – и ни хрена, то сон не идет, то вижу ее висящей.

– Пить меньше надо, – посоветовала я спокойно. Меня не волновали байки о привидениях. Во время службы в «Сигме» я железно уяснила, что бояться нужно лишь живых. Не откладывая дела в долгий ящик, я перетасщила свои вещи в спальню. Комната была небольшая, обставленная простой

мебелью из деревоплиты. Обычная кровать с пружинным матрасом, тумбочка и овальное зеркало на стене. В глаза бросилось, что один из плафонов в виде цветков колокольчика расколот. Основание люстры, закрывающее дыру в потолке, чуть приспущено, а оттуда торчит разлохмаченный кусок толстой веревки. Перед моим мысленным взором развернулась эта сцена. Пьяная женщина с полубезумным взглядом и спутанными волосами, хохоча и заливаясь слезами одновременно, залезает на табурет. В руках у нее веревка. Она привстает на цыпочки, отодвигает основание люстры и привязывает веревку к крюку в дыре...

– Стоп, – скомандовала я себе, – не слишком ли это сложно для пьяной женщины?

Приглядевшись к крюку, я подумала, что даже трезвому нелегко будет проделать такое.

Впрочем, люди в белой горячке обретают завидную сноровку и изобретательность. Как все было на самом деле, теперь уже не скажет никто. Я посмотрела на развороченную постель. Ее не меняли, наверное, со смерти Ирины. Порывшись в шкафу, я нашла смену белья и перестелила постель. Сумку с вещами я сунула под кровать, а компьютер – в тумбочку, пока он не понадобится. Из целлофанового пакета, оставленного на тумбочке, я вынула моток телефонного провода и минуты за две протянула линию в спальню.

– Это еще зачем? – проворчал Рашид, подпирая стену в коридоре.

– Для спортивного интереса, – буркнула я, укрепляя проволочкой маленькими гвоздиками.

– Отлично, – проворчал Рашид и, громко рыгнув, протянул мне пакет с пончиками, что был у него в руке. – Угощайся. Если не пьешь, то хотя бы пончик съешь за примирение.

– Нет, спасибо, что-то не хочется, – отмахнулась я, насто-рожившись.

– Ну как хочешь, все равно выкидывать, – хохотнул Рашид, поплелся на кухню, швырнул пакет в мусорное ведро, а затем уже с ведром пошел к выходу. – Пойду мусор вынесу, если уж, кроме меня, до этого никому нет дела.

– Ах ты, наш страдалец! – с притворным сочувствием воскликнула я ему вслед.

Тихое поведение Александра настораживало. Почувствовав тревогу, я заглянула в его комнату. Двухметровый верзил сидел на маленьком стульчике за небольшим столиком, застланным альбомными листами, и увлеченно рисовал что-то черным фломастером. Он настолько погрузился в свое занятие, что даже не заметил моего вторжения. На лице – восторг и следы от разноцветных фломастеров. Просто картина «Гений за работой».

Улыбнувшись, я тихо прикрыла дверь и продолжила заниматься своими вещами. На лестничной клетке над электрощитком я установила скрытую камеру, спрятав ее в непонятное отверстие, просверленное кем-то в стене, а изображение с нее вывела на свой компьютер. На балконе я поста-

вила два датчика движения, если кому-нибудь вдруг придет в голову навестить нас этим путем. В своей комнате и в комнате Александра установила по парочке газоанализаторов – один под потолком, другой у пола. Коробочки заинтересовали Александра, но я строго-настрого запретила ему к ним прикасаться, и он вроде бы послушался.

Часа в четыре раздался звонок в дверь.

– Это мама вернулась! – радостно закричал Александр, подбегая к двери. Я успела раньше и, оттеснив его от защелок, уверила, что за дверью стоит какой-то парень с большущей сумкой.

– Что за парень? – улыбка сразу сползла с лица Александра, как только до него дошел смысл сказанного. Камера на площадке показывала, что на лестнице никто не таится. Резко открыв дверь, я втянула парня внутрь. Тот обалдел от подобного обращения. Завидев приближающегося к нему Александра, он закричал, прижимаясь к двери:

– Не трогай меня! Я привез продукты. Алиса Юрьевна попросила.

Однако Александр не собирался причинять гостю вреда. Он только обнял его, а потом спросил:

– Мороженое принес?

Испуганно хлопая глазами, парень задушенно пропищал:

– Нет, про мороженое мне ничего не говорили.

Александр отпустил его и, равнодушно отвернувшись, ушел в свою комнату продолжать творить шедевры.

– Фу ты, – выдохнул гость, обращаясь ко мне, – я думал, он мне все ребра переломает.

– В следующий раз принеси мороженое, – велела я, забирая сумку. Продукты я переложила в холодильник, а сумку отдала парню. – Кстати, как тебя зовут? Ты что, работаешь на Агееву? – На вид ему было лет двадцать. Светлые волосы, зачесанные назад, карие глаза, крупный нос с горбинкой и узкие бескровные губы. Одетый в джинсу, он напоминал студента, курса с третьего, не больше.

– Я раньше работал у них шофером, – протянул он мне руку, – Сева.

– Евгения Максимовна, – пожала я его худую ладонь с тонкими пальцами. – Сева, ты сказал, что раньше работал шофером, а теперь кем?

– Теперь – кем угодно. И на посылках, и продукты покупаю, если хозяйка скажет. Что-то по дому делаю, – махнул он рукой. – Учусь в «экономе» и вот подзарабатываю, как могу.

– Слушай, ну и как тебе твоя хозяйка, Агеева? – поинтересовалась я по-простецки. – Я у нее работаю с сегодняшнего дня, и хотелось бы знать, что она за человек.

– Да нормальная тетка, – пожал плечами Сева, – вообще-то я предпочитаю ее не обсуждать. Ну, мне пора.

– Ясно. – Я выпроводила парня за дверь и заперла замки. Александр рисовал. Я заглянула к нему в комнату. Все в порядке. Шторы задернуты. На столе – зажженный ночник в виде утенка Дональда, освещающий лист бумаги. Рашид

смотрел в гостиной футбол.

Вернувшись в спальню, я подключилась к сети и, используя алгоритм, подсказанный знакомым хакером, вошла в базу данных ГАИ Пензенской области и проверила номер бандитского «Рекстона». Хозяйкой «Запорожца» с этим же номером была некая Румянцева. Дело ясное. У «Рекстона» перебиты номера, а сам он откуда-то угнан, перекрашен и используется бандитами. «Не стоит отчаиваться, – сказала я себе. – Возможно, эти парни, что на меня наехали, проживали в Пензе или ее окрестностях, а если судить по лицам, то они вряд ли вели праведный образ жизни и обязательно должны были засветиться в милицейских хрониках». Сверившись с записями, я попыталась вскрыть систему безопасности УВД Пензы, но либо Юзер что-то перепутал, либо у них там что-то изменилось, и моя попытка не удалась. Вторая попытка оказалась удачнее первой. Архив управления был к моим услугам. Видно, ошибку допустила я сама, записывая алгоритм в блокнот. Поиски целесообразнее было начинать с великана-молчуна. Я ввела предполагаемый возраст, рост, вес, приметы, и компьютер мне предложил более двухсот вариантов. Если удастся идентифицировать личность великана, то вполне возможно через него выйти на небритого сообщника, а то и на заказчиков, ну, это уж если совсем повезет.

Я перебирала портреты преступников, тщательно вглядываясь в лица одно страшнее другого. Клонировать их там в Пензе, что ли? По закону подлости, искомый мутант нахо-

дился почти в конце. Я сразу узнала его сведенное судорогой лицо, сонный взгляд и бритую макушку. Кошечкин Олег Витальевич, по кличке Кот, шестьдесят восьмого года рождения, неоднократно привлекавшийся за разбой и нанесение тяжких телесных повреждений. Последний срок получил за драку в ресторане, в результате которой двое посетителей получили тяжелые повреждения. Год назад освобожден. Официально нигде не работал. Руководствуясь интуицией, я проверила, кто еще проходил по драке в ресторане, и не ошиблась. Небритый спортсмен также получил срок за это дело. У него еще изъяли оружие и наркотики. Баптистов Сергей Николаевич, кличка Баптист, шестьдесят второго года рождения. Послужной список небритого был еще круче, чем у великана. Тут и поджоги, и содержание притона, и торговля людьми. А начал он свой криминальный путь с тройного убийства в возрасте пятнадцати лет. Понравился ему видеомагнитофон в квартире школьного товарища. И товарищу, и его сестре, и ее подруге не повезло, что они впустили Баптиста в дом. Оба – и Баптист, и Кот – всегда выступали в роли лидеров и организаторов, так что искать кого-либо среди их «шестерок» не имело смысла. Устранить Александра им по силам и вдвоем. Лишние люди, с которыми придется делиться гонораром, им ни к чему. Могут ли они установить прослушку и вести наблюдение? Наверное, могут или используют какого-нибудь сообщника, знающего в этом толк. Я сбросила информацию по «сладкой парочке» на

диск. Резкий треск со стороны двери – и Александр вошел в комнату, не заметив заблокированную защелку.

Пробой из косяка был вырван со всеми четырьмя шурупами. Со звоном он отлетел на пол.

– Ты чего так вламываешься? – строго спросила я Александра, готовившегося сказать мне что-то. – Тебя не учили, что перед тем, как войти в дверь, надо постучаться, дожидаться, когда тебе разрешат войти?

– А? – удивленно сказал Александр, тараща на меня глаза.

– Бэ, – с горечью сказала я, поняв, что мои слова пролетели у подопечного мимо ушей. – Зачем пришел?

– Не помню, – пробормотал озадаченно Александр, стал зачем-то себя оглядывать и ощупывать, будто искал потерянную идею.

– Ну, вспомнишь – заходи, – сказала я и рукой указала на открытую дверь: – Свободен!

Александр повернулся и, опустив голову, побрел, куда ему велели. Потом вдруг остановился в дверях как вкопанный и обернулся с улыбкой на губах.

– Ну, чего еще? – проворчала я, косясь на экран компьютера. На нем светилось послание для знакомого хакера, которое я набрала, но не успела отправить.

– Женя, можно я съем колбасу? – заискивающе спросил Александр, сцепив руки за спиной и переминаясь с ноги на ногу.

– Вообще-то это колбаса дяди Рашида. Тебе тетя прислала

кусоч сырой вырезки, – задумчиво начала я, мучаясь вопросом, чем же накормить этого крупногабаритного недоросля, затем, решившись, сказала: – Можешь съесть колбасу. Рашиду скажешь, что ее мыши украли.

– В квартире нет мышей, – осторожно заметил Александр.

– Ладно, пойдем, я тебя накормлю, – вздохнула я, поднимаясь.

Развалившись на диване, Рашид спал, издавая чудовищный храп и даже причмокивая в перерывах.

– Как рычит, да? – показал на него Александр.

– А ведь храп очень вреден, – проговорила я задумчиво. У меня родилось подозрение, что Рашид храпит так громко специально, чтобы выжить меня из квартиры или, как минимум, создать мне неудобства. – Врачи говорят, что от храпа умирают даже.

– Ого! А что делать? – обеспокоился не на шутку Александр.

– В таких случаях надо накрыть голову храпящего диванной подушкой и подождать, пока он не перестанет храпеть, – ответила я серьезным тоном.

От моих слов Рашид подскочил на диване и заорал:

– Только попробуй! Я тебе закрою! И про колбасу я тоже все слышал!

Его истерику прервал звонок в дверь. На этот раз нас посетила домработница Агеевой, Юлия. Она быстро, со сноровкой приготовила ужин. Сварила суп, поджарила отбивные,

отварила к ним гречку. Все время, пока шло приготовление пищи, Александр не выходил из кухни, просил Юлию, чтобы та позволила ей помочь, и искренне радовался каждому поручению, будь то мытье посуды или чистка картошки. Я же, воспользовавшись моментом, проскользнула в спальню – к компьютеру. Связавшись с Юзером, я попросила у него выяснить все, что можно, об Иване Глебовиче Корноухове, властители тарасовских дорог и всего, что по ним движется. Он являлся пока что моим основным подозреваемым.

«Ох уж эти политики, – написал в ответ Юзер. – Как бы тебе, Охотник, не утонуть в потоке информации. Думаю, дел он наворотил вагон и маленькую тележку, если уж ты им заинтересовался».

В сети меня знали под прозвищем Охотник, потому Юзер и обращался ко мне как к мужчине, даже и не подозревая, кто я на самом деле. В отличие от него я прекрасно знала Юзера: где он работает, живет, даже несколько раз по служебной необходимости навещала его лично под видом курьера таинственного Охотника, частного детектива, очищавшего по мере возможностей родной Тарасов от преступных элементов.

«Если тебе некогда, подскажи, как взломать систему безопасности в администрации, и я отстану», – написала я хакеру.

«Нет проблем, я все сделаю, – ответил Юзер, – только обещаю, что расскажешь об этом деле потом, когда все будет за-

кончено».

«Обещаю», – написала я и попросила проверить еще Джумгалиева на предмет его связи с криминалом. Что, если сожитель Ирины не тот, за кого себя выдает?

Юзер попрощался, пообещав завтра к вечеру достать всю информацию, интересующую меня.

Ушей достиг стук входной двери и разочарованный голос Александра:

– Тетя Юля ушла.

Расслабившись, я продолжила работу, однако постепенно поймала себя на мысли, что не могу сконцентрироваться из-за голодного урчания в моем желудке. Нос улавливал запах еды. На кухне бессовестно стучали ложками, а меня даже никто не удосужился позвать! Я встала и прошла на кухню.

– Так, что тут у нас имеется?

– Вон, гречневая каша у Саши, – хищно улыбаясь, сказал Рашид, выбирая со своей тарелки последние крупинки гречки. Я посмотрела на Александра. Тот, довольный, сидел с кастрюлей каши в руках и поедал ее прямо оттуда, причем в кастрюлю предварительно плеснули молока и все перемешали.

– Суп он уже поел, – хохотнул Рашид, кивая на ополовиненную обляпанную кастрюлю. – Я ему подсказал, что гречка вкуснее всего с молоком и что ты тоже так любишь. А то поначалу он всю кастрюлю хотел оставить тебе.

– Угощайся, Женя, – Александр протянул мне кастрюлю

с кашей, и я с трудом поборолла желание надеть ее Рашиду на голову.

— Я не голодна, — буркнула я и с надеждой подошла к сковородке с отбивными. На мое счастье, там немного осталось. Пришлось довольствоваться мясом с хлебом. Еще я прихватила колбасы из холодильника, когда Рашид ушел с кухни, и закончила ужин кофе с булочкой. Мысль о завтраке заставила меня провести осмотр пищевых запасов. Еще один кусок замороженного мяса лежал в морозилке. Имелся кусок сыра, две банки консервов из горбуши. В общем, цинги пока что не ожидалось. Агеева с посыльным прислала много хлеба — черного, белого, сдобных булочек и два пакета макарон. «Лучше бы колбасы прислала», — с досадой подумала я, допивая кофе.

После ужина Александр устроился в кресле перед телевизором. Показывали бои без правил. Рашид растянулся на диване, всем своим видом демонстрируя, что это только его место и чтобы никто не смел к нему приближаться. Изредка поглядывая на них, я бесцельно слонялась по квартире с сигаретой в зубах, стараясь придумать, как вычислить Кота и Баптиста в Тарасове. Времени шерстить все притоны не было. Да и кто сказал, что они в притоне? Они приехали в город сделать серьезное дело за серьезные деньги. Скорее всего, они сняли квартиру. По идее, снимать ее удобнее недалеко от места работы, а не мотаться на другой конец города. С другой стороны, у них машина. Тут меня под-

бросило. Точно! Их можно достать через машину. Послать в местное ГАИ сообщение, что «Рекстон» угнан. Узнать только у Юзера, насколько реально это проверить. Да и вообще лучше объявить эту парочку в международный розыск, как каких-нибудь крупных маньяков или извращенцев. Сделать это так, чтобы информация въелась в мозги постовых патрульной службы. Загоревшаяся идеей, я кинулась к компьютеру. Юзер был несколько удивлен моим новым сообщением, однако, когда понял его смысл, выразил свой восторг оригинальности моего плана и пообещал сделать это. Мы некоторое время совместными усилиями придумывали, в чем бы обвинить бандитов. По моей версии, они нападали на старушек и отнимали пенсию, ограбив таким образом свыше пятисот человек и похитив у них около двух миллионов рублей. Пяти старушкам верзила переломал позвоночник. Юзер предложил, чтобы Баптист был зоофилом и насиловал собачек ограбленных хозяек. Мне показалось – это чересчур. Юзер неожиданно легко пошел на попятную:

«Нельзя так нельзя».

Легкость, с которой он отступил, навела меня на мысль, что он непременно использует свою идею, когда пошлет сообщение в УВД, не докладывая, естественно, мне. Ну и черт с ним. Я набрала в сообщении данные машины бандитов и переслала его Юзеру.

«К завтрашнему вечеру и машину, и наших молодцев не пропустит ни один патруль», – написал в ответ Юзер.

Только я выключила компьютер, как тут же ожил телефон. Звонила Агеева.

– Ваш племянник жив, здоров, хорошо питается, – со вздохом произнесла я, вспоминая суп и гречку. – Еще он много рисует. Да, чуть не забыла. Рашида выгнать не удалось, так как он прописан в квартире. Он мне даже паспорт показал с пропиской.

– Вот прохвост! Когда он успел? – удивленно воскликнула Агеева. – Я вообще-то звоню, чтобы сообщить, что завтра состоится свадьба сына Ивана, Артема. Иван лично просил привезти Александра, будто все родственники хотят его видеть и не мыслят без него торжества.

– Вам не показалось это странным? – спросила я. – Что, они все так его полюбили? Уж не из-за денег ли?

– Я все прекрасно понимаю, но не хочу идти на обострение конфликта, – ответила Агеева. – Своими реверансами они все равно ничего не добьются. Александр недолюбливает Ивана, так как тот однажды ударил его за какие-то детские шалости, разбил ему нос до крови. Александр тогда ужасно испугался и даже теперь сторонится Ивана.

– Ладно, дело ваше, – согласилась я.

– Подъезжайте к половине двенадцатого, – велела Агеева.

– По некоторым соображениям, которые потом вам изложу, я приеду часам к десяти, – ответила я.

– Ну ладно, – проговорила Агеева, заинтригованная. – Что, какая-то страшная тайна?

– Да, – отрезала я, – до свидания. – И отключила сотовый.

Часы на тумбочке показывали одиннадцать двадцать. День выдался непростым, и меня уже клонило в сон. Перед тем как лечь, я решила проверить Александра. Тот, как всегда, рисовал. В углу комнаты я заметила картонную коробку из-под телевизора, забитую старыми игрушками. На виду торчал большой плюшевый Чебурашка, из-под него выглядывали пластмассовые гномы, а сбоку виднелся распотрошенный в ходе какой-то игры мишка и безногая кукла. Куски ваты из внутренностей медведя валялись рядом с коробкой. Александр, видно, до сих пор в них играл, а потом аккуратно складывал обратно.

– Спать не собираешься? – спросила я у него. Сосредоточенный и напряженный, он вздрогнул и поднял голову.

– Женя, я еще немного порисую и в кровать, – молящим голосом проговорил Александр.

– Хорошо, рисуй, только недолго, – пожала я плечами, обошла столик, взяла один из его альбомов. – Саша, ты не против, если я посмотрю?

– Смотрите, – глухо отозвался он.

Я открыла обложку, и с первого листа на меня уставился какой-то трехликий монстр с изломанным телом, вывернутыми ногами и кровью, стекающей из оскаленных пастей. Рисовал Александр в целом неплохо, но сюжет был выбран не совсем удачный. Особенно хорошо у него получились глаза чудовища. Непостижимым образом с помощью обыч-

ного цветного карандаша Александр наделил их осмысленным выражением нечеловеческой тоски, будто чудовище испытывало муку, недоступную людскому разуму. Картинка оставила после себя неприятное впечатление. «Но, может быть, другие будут лучше?» – сказала я себе, переворачивая лист. На следующем листе некие существа, напоминающие оборотней, разрывали на части орущего человека. Картинка обильно пестрела красными тонами. Я быстро перевернула ее, но на другой стороне было еще хуже. Маньяк, только что распиливший женщину на части, держал в одной руке отрезанную голову, в другой – бензопилу. Разрезанное пополам туловище валялось у его ног. Стремясь к достоверности, Александр изобразил даже вывалившиеся из живота жертвы кишки. Шокированная зловещим творчеством недоразвитого художника, я стала быстро перелистывать альбомные страницы. Каждая последующая картинка была чудовищнее предыдущей. Сплошная кровавая мясорубка – отрезанные конечности и невообразимые чудовища. Психически нормальный человек такого точно не нарисует!

– Откуда ты это все берешь? – осторожно спросила я у Александра, показывая альбом. – Я имею в виду чудовищ, трупы...

– Это мне снится. Утром встаю и рисую. Меня мама научила. Она сказала, что если чудовище нарисовать, то оно уже ничего не сможет тебе сделать.

– Интересная теория. – Я положила альбом и заглянула

Александру через плечо. То, что я увидела, шокировало меня еще больше, чем прежние рисунки. На альбомном листе формата А-3 было изображена повешенная женщина. Она висела на люстре, а женщина с крылышками, как у эльфа из сказки, и мужчина в рясе с худым бледным лицом держали повешенную за ноги. Лица этих непонятных существ были обращены к зрителю. Женщина-эльф улыбалась, а лицо человека в рясе напоминало череп с черными провалами вместо глаз.

– А кого ты сейчас рисуешь? – спросила я, и голос предательски дрогнул. Еще до того, как Александр открыл рот, я уже знала ответ на свой вопрос.

– Это моя мама, – указал он на повешенную. – Фея и бледный человек хотели ее спасти. Но они не смогли, и мама теперь на небесах. Ей там хорошо, она каждый день ест конфеты и пьет сок из коробок. Катя тоже там. Я тоже к ним отправлюсь, может быть, скоро. – Александр задумчиво посмотрел на меня. – Женя, а ты не хочешь отправиться на небо?

– Нет, спасибо, что-то не хочется. – Я поежилась, подумав, что за жуткие идеи в голове у этого парня.

– Жалко, что не хочешь, я буду скучать по тебе, – заверил Александр, грустно вздохнув.

– Ладно, я иду спать, – пробормотала я и пошла к двери, бросив на ходу: – Ты тоже не засиживайся.

– Хорошо, Женя, – пообещал Александр.

Рисунки Александра еще долго стояли у меня перед глазами, когда я пыталась заснуть. В голове вертелась одна мысль, что парню с его физической силой вполне по плечу осуществить все эти кровавые кошмары, что я видела в альбоме. Вдруг он только об этом и мечтает? Подобные мысли не способствовали спокойному сну. Кроме того, в моей комнате не так давно повесился человек, еще и сорока дней не прошло. Проваливаясь в сон, я почувствовала чье-то присутствие в комнате и осторожно приоткрыла глаза. Сквозь полуопущенные ресницы я увидела женщину в белом, крадущуюся к моей постели с веревочной петлей в руках. В ту же секунду из гостиной послышался жалобный голос.

– Умоляю! Не трогайте меня, пожалуйста! – молила неизвестная. И вдруг ее мольбы оборвались душераздирающим криком, от которого у меня на голове зашевелились волосы. Как распрямившаяся пружина, я вскочила с кровати, сжимая в руке револьвер, готовая выстрелить. Но цели не было. Комната была совершенно пуста. «Приснилось», – подумала я с улыбкой и содрогнулась от нового вопля истязаемой жертвы, донесшегося из гостиной. Вся в холодном поту, я распахнула дверь и ринулась туда. Александр, сидевший перед телевизором на ковре, подвернув по-турецки ноги, повернулся ко мне с немим вопросом на лице. Рашид лежал на диване и тоже лениво обернулся в мою сторону.

– Что, Женя, не спится? – улыбнулся он дружелюбно.

Я спрятала револьвер за спину и не ответила. На экране

телевизора мелькали жутчайшие сцены насилия из какого-то фильма ужасов. Понятно теперь, где мой подопечный черпал темы для своих картин.

– Женья, хочешь посмотреть с нами страшилку? – предложил Александр, указывая на свободное кресло. – Можешь сесть здесь.

– Такое дерьмо я не смотрю. Мне его и в жизни хватает, – ответила я жестко. – Рашид, а тебе не кажется, что Саше не стоит смотреть такие фильмы? Ты вообще соображаешь, что делаешь?

– Я-то, – спокойно переспросил Рашид, – я смотрю фильм. Его я не звал, – он указал на Александра. – Пусть идет в свою комнату и ложится бай-бай, мне плевать!

– Так, – зловеще протянула я, подошла и выключила телевизор.

– Что за дерьмо! – Рашид озлобленно вскочил на ноги. – Я смотрю фильм, я в своей комнате. Если ты немедленно не включишь, как было...

Я не дала ему договорить, вышла в спальню и вернулась с электрошокером.

– Предлагаю вам два варианта, – сказала я и Рашиду, и Александру. – Или вы оба добровольно сейчас укладываетесь спать, или я укладываю вас спать насильственным методом. Для слабоумных поясняю отдельно, я имею в виду тебя, Рашид... – Рашид перестал улыбаться, а я продолжала: – После одиннадцати часов нельзя громко слушать музы-

ку, просматривать телепрограммы и вести строительные работы, если это мешает соседям. Я – твой новый сосед, и мне не нравятся эти вопли среди ночи.

– Мне плевать! Ты просто прислуга, охраняешь этого пенька, – Рашид кивнул на Александра, – а я здесь прописан.

Не обращая внимания на его слова, я закончила мысль:

– Рашид, я не буду опускаться до вызова милиции, жалоб тоже писать не буду. Изобью тебя так, что и мама родная не узнает, и поджарю зад электрошоком. Потом, может, и вызову милицию, скажу, что нашла тебя в таком состоянии в подъезде...

– Я пойду спать, – попросился Александр, смекнув, что телевизор он смотреть больше не будет.

– Иди, – бросила я ему и посмотрела на Рашида. – Ну что, Рашид, мы решим все по-хорошему или по-плохому? – в моем голосе звучала явная угроза.

Рашид нервничал. Признавать свое поражение ему очень не хотелось. После минутного молчания он зло буркнул:

– Вали из моей комнаты, я собираюсь спать, и ты мне мешаешь.

Большого мне и не надо было. Я вернулась в спальню и спокойно уснула, не думая больше о повешенных, ужасных картинках и «бледном человеке». Под подушкой лежал заряженный револьвер, придавая мне дополнительную уверенность.

Глава 4

Утро я начала в шесть часов традиционным десятикилометровым кроссом. По улицам в легкой дымке сновали редкие машины. Ветер, прилетевший с юга, играл в листве, лениво раскачивая деревья. Маршрут моего забега я замкнула в кольцо, диаметром примерно в километр по карте, так чтобы дом с квартирой моего клиента находился в середине. Если что, сработает либо сигнализация, либо датчики движения, чтобы я быстро смогла вернуться. На втором круге за мной погналась свора собак, выскочивших из-под ворот автобазы. Стараясь не сбить дыхание, я плавно увеличила скорость и убежала от них. На третьем круге они уже ждали меня на дороге с веселым лаем. Пришлось применить газовый баллончик, следя, чтобы струя шла по ветру. Помня о предстоящей поездке, я забежала на стоянку, чтобы забрать «Фольксваген». На свадьбу безопаснее было ехать на своей машине, чем нанимать такси.

Приняв душ, я по-быстрому сварила себе кофе, поджарила яичницу и перекусила. Однако после пробежки моему организму показалось мало одной яичницы. Чувство голода не исчезло, и я вынуждена была взяться за колбасу. Потом пришел черед сыра.

Я сварила себе еще кофе. После завтрака я закрыла дверь на кухне и позвонила в УВД знакомому следователю убой-

ного отдела. Он должен был хорошо меня помнить по ряду дел, где мы сталкивались. Особенно памятен случай с Еленой Васильевной Прохоровой, которую я защищала месяца два тому назад. Да и с антикваром была еще та заваруха. Я помогла следователю задержать целую банду убийц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.